

Закат Солнца, Восход Стали

О. Ветров

Олег Ветров

Закат солнца, восход стали.

«Автор»

2026

Ветров О. В.

Закат солнца, восход стали. / О. В. Ветров — «Автор», 2026

Иногда, чтобы найти дом, нужно сжечь свой мир дотла. Они плыли в Майами. Очнулись в аду. Три тысячи человек из XXI века падают в Теночтитлан — столицу ацтеков, где боги пьют кровь, а жрецы вырезают сердца на алтарях. Спутники молчат. Компасы беснуются. Океан дышит в затылок. Дома больше нет — есть джунгли, обсидиановые копья и один-единственный вопрос: как выжить? Ответ — Всеволод Соболев. Бывший наёмник, который всю жизнь бежал от войны. Но на краю истории он понимает: от себя не убежишь. Ему предстоит невозможное: научить ацтеков ковать сталь, строить корабли и смотреть в глаза испанским пушкам. А самому — научиться тому, чего он боялся больше пули. Остаться. «Закат солнца, восход стали». Роман о выборе, когда выбирать некогда. О доме, которого нет на карте — потому что он там, где готовы умереть за тебя. Он умел убивать. Ему предстоит научиться жить.

© Ветров О. В., 2026

© Автор, 2026

Олег Ветров

Закат солнца, восход стали.

Закат солнца, восход стали

Глава 1. Ночь, которая не кончилась

Раздел 1. Тот, кто не спит

Капитан Мартин Флейшман не любил Бермудский треугольник. Не потому, что верил в мистику — в шестьдесят три года она кажется утешительной сказкой для тех, кто боится темноты. Он верил в навигационные карты, гидролокаторы, спутниковую навигацию. Верил в дизель-электрическую установку «Star of the West» — ни разу не подводила. Верил в свою команду: полторы тысячи человек экипажа, из которых на мостике в эту вахту стояло всего четверо.

Бермудский треугольник Флейшман не любил с юности. Там под водой всегда что-то шевелилось — не рыба, не сейсмика, а именно шевеление, будто океан переваривал несваренные глубины, выворачиваясь наизнанку. Теперь, прожив жизнь, он знал: приборы видят только то, что хотят видеть. А океан никогда не врёт, но и не говорит всей правды. Он шепчет. И этот шёпот не зафиксировать никакими датчиками.

В эту ночь, 17 июля 2026 года, вахту нёс старший помощник Майкл Рейнольдс — молодой ещё, с хроническим насморком и женой, которая не выходила из каюты третьи сутки. Флейшман ушёл в капитанскую каюту — выпить полстакана «Джонни Уокера» с содовой и пролистать зашифрованный доклад от компании: «О вероятных репутационных рисках в зоне Карибского бассейна». Он читал, усмехался в седые усы. Главный риск сейчас — техасцы, которые накануне устроили драку в бассейне из-за лежака. Один выбил другому зуб, зуб утонул в хлорированной воде, искали полчаса, подняли со дна, а техасец сказал: «Оставьте, он был больной». Флейшман тогда подумал: вот она, Америка.

Но что-то было не так. Металлический привкус во рту — не от виски, от воздуха. Словно океан за бортом выдохнул что-то древнее, глубокое. Голова болела тупым, вязким давлением, хотя синоптики обещали штиль. Флейшман потёр виски. Он знал этот район. Пять лет назад, ещё на старом контейнеровозе, гирокомпас здесь сходил с ума целые сутки. Он написал рапорт, компания списала на «солнечную активность». Флейшман не стал спорить — спорить с компанией себе дороже. Но с тех пор он избегал этих вод. А теперь «Star of the West» шёл прямо через эпицентр. Не по его воле.

Он не знал, что через два часа всё изменится. Что риск перестанет иметь значение, репутация станет пылью, а океан, который он знал сорок лет, перестанет быть океаном. Что гидролокаторы будут врать. Что спутники замолчат.

Всеволод Соболев проснулся за три минуты до будильника. Привычка, которую не вырабатать тренировкой — она либо есть, либо её вырезали вместе с аппендиксом и лишними страхами где-то под Мосулом, когда осколок прошёл в сантиметре от позвоночника. У него была. Тело поднялось беззвучно. Рука выключила звонок за секунду до трели. Тридцать девять лет. Двенадцать из них — в «Вагнере», где платили золотом. Потом в «Африканском корпусе», где платили кровью. Потом контракт на круизный лайнер. Втрое больше любой горячей точки. За спокойствие. За обещание, что никто не будет стрелять по утрам.

Он стоял перед зеркалом в каюте на палубе F. Десять квадратов, койка, пластиковый шкаф, фотография, которую он никому не показывал — даже Виоле, даже после третьего стакана. Выцветшая. Женщина с короткой стрижкой смеётся, запрокинув голову. Мальчик

лет пяти сжимает пластмассовый пистолет. Надя. Артём. Тверь. Артёму сейчас двадцать три. Соболев не знал, жив ли он. Боялся узнать.

Умылся. Надел чёрную куртку без знаков, чёрные брюки, берцы с усиленным носком. В левом внутреннем кармане — «Глок-19». Не штатный. Куплен в Сирии у курда за три золотые монеты. Курд был молодым, с вечно мокрыми глазами. Соболев не спросил, откуда у него оружие.

На корабле оружие запрещено. Соболеву было плевать.

Он вышел в коридор. Корабль переваривал ночь, как кит переваривает планктон — медленно, сонно, бездумно. Где-то наверху, в лаунж-баре «Панорама», ещё дышала музыка — сакофон вполсилы. Где-то на восьмой палубе женщина выясняла отношения с мужчиной. Стены тонкие — экономия. Соболев шёл бесшумно. Этому не учат — это въедается в позвонки, когда за тобой охотятся снайперы.

Он зашёл в комнату безопасности.

Там сидела Анна Виолина — Виола. Откинулась в кресле, смотрела на мониторы. Короткое каре, чёлка ниже бровей, глаза светлые, почти прозрачные, с прищуром. Тридцать пять. Психолог. Умела разоружить человека одним вопросом. Иногда — одним молчанием.

— Сев, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты рано.

— Ты тоже.

— Я не сплю по ночам. — Она повернула кружку, показывая трещину, которая вилась по белому корпусу, как молния. — Эту мне подарил пациент. Прыгнул за борт через неделю. Кружка осталась. Он говорил, что слышит голоса из воды. Я думала, шизофрения. Теперь не знаю.

В углу, на корточках, сидел Дмитрий — Кукла. Вязал крючком ярко-зелёного крокодила с красными глазами-пуговицами, которые светились в отблесках мониторов, как угольки. Его пальцы, перебиравшие нитки, при каждом скрипе двери мгновенно сжимались в кулак — и снова расслаблялись. Кукла был специалистом по рукопашному бою — редкая система «Шторм». Его пальцы могли задушить человека за шесть секунд. Сейчас они вязали игрушку.

— Грек на месте? — спросил Соболев.

— На вышке, — ответила Виола. — С ним Конь. Смена до шести. Конь сегодня сам не свой — говорит, что компас врёт. Механический крутится, как бешеный. Электронный показывает не те цифры.

Сергей Греков, Грек, сидел в наблюдательной рубке за мачтой. Снайпер с двадцатью одним выходом, из которых семь никогда не существовали на бумаге. Он не носил форму — серую футболку и камуфляжные штаны, которые носил ещё в Чечне. Рядом лежала СВД — винтовка, которую он называл «старухой» и чистил каждый вечер, даже если не стрелял.

Соболев сел к монитору.

— Что по пассажирам?

— Обычный день, — Виола пролистала список. — Триста двадцать семей с детьми. Группа пенсионеров из Флориды — жалуются на камни в почках. Мексиканский кардиохирург дон Эрнесто со своей, скажем так, спутницей — называет её «mi corazón». Немецкая студентка Лена — помогает в баре за ужин, говорит, что так дешевле, но глаза у неё затравленные. Японцы Томоко и Кэнъити — тихие, идеальные, только всё время фотографируют закаты. И классика — сэр Хьюберт, британский пенсионер с роллс-ройсом в трюме.

— Роллс-ройс? — переспросил Соболев.

— Фантом, 1967. Заплатил шесть тысяч за контейнер. Не доверяет местным такси.

Соболев усмехнулся краем губ.

— А наши?

— На местах. Химик в лаборатории проверяет воду — боится, что за бортом что-то не так. Говорит, пробы пахнут странно — сладковато, как миндаль. Фантомас дрыхнет после

ночной смены. Алтай запустил дрона в шесть — чисто, никаких судов в радиусе ста миль, кроме контейнеровоза к Панамскому каналу.

Соболев встал. Кресло скрипнуло. У двери задержался, бросил взгляд на Куклу. Тот поднял голову — на секунду, не больше. В его глазах мелькнуло что-то похожее на понимание. Кивнул. Соболев кивнул в ответ.

Раздел 2. Плавающий город

«Star of the West» построили в 2018 году на финских верфях, которые раньше делали ледоколы для Арктики — отсюда и запас прочности, и любовь к толстому металлу. Триста тридцать метров длины — три футбольных поля. Сто пятьдесят тысяч тонн водоизмещения — столько же весит небольшой авианосец. Три тысячи пассажиров, тысяча двести человек команды. Официанты с Филиппин, горничные из Индонезии, механики из Польши, повара-итальянцы и мексиканец Энрике, который готовил карне асада так, что веганы срывались.

На верхней палубе — два бассейна с подогревом и джакузи на сорок мест. Рядом бар «Бриз», где Бамбл с Ямайки наливал «Маргариту» с четырёхрукой скоростью. Двадцать три года на лайнерах — ни разу не уронил бокал. Говорил: оттого, что боится бога. Соболев знал: Бамбл не боится ни бога, ни чёрта. Он просто ненавидит мыть полы.

Соболев поднялся наверх пешком — по лестницам. Запахи менялись с каждым пролётом. Внизу, на палубе G, пахло хлоркой, казённым мылом и пережаренным маслом из камбуза для команды — запах, который въелся в стены. Выше, на палубе D, — дорогими духами и озоном от утюгов. На палубе A, у ресторана «Атлантик», — чесноком, тимьяном и горячим сливочным маслом. И наконец, на верхней палубе, когда он толкнул дверь на открытую террасу, его ударило морем.

Йод, соль, гниющие водоросли где-то далеко по ветру, чуть-чуть солянки от дымовой трубы — извечный запах любого судна. К нему примешивался сладковатый дух хлорки из бассейна. Соболев вдохнул глубоко. Этот коктейль он узнал бы с закрытыми глазами.

Ночь была тёплой. Небо — звёздное, острое. Соболев посмотрел вверх и подумал, что в последний раз видел такое небо в Мали, перед боем за Кидаль.

Он закурил. Одну сигарету в день, всегда одну.

Контракт на «Star of the West» был ошибкой. Не от скуки — от спокойствия. Спокойствие расслабляет. Расслабленный пропускает удар.

Сигарета догорела до фильтра, обожгла пальцы — он не отдёргнул. Затухил о леер, бросил в урну. И тут за спиной раздались шаги. Шаркающая походка, правая нога короче левой.

— Сев.

Евгений Фомин — Фантомас — говорил шёпотом даже в пустоте. Тридцать семь лет. Пальцы длинные, нервные. Горб под курткой почти незаметен, если не знать. Он умел взламывать любые замки и находить частоты, которых не существовало в официальных справочниках.

— Слушай, — сказал он. — У меня странности.

— Какие?

— Связь. Я вёл лог помех, выбросы на всех частотах. Смотри.

Он протянул планшет. Спектрограмма: на частотах 121,5 МГц, 156,8 МГц и на спутниковых L-диапазонах возникли пики. Чистое, ровное белое поле. Словно вода запела на частотах, которые не слышат люди.

— Смотри на форму, — Фантомас увеличил график. — Это не модуляция. Не импульс. Плавное загибание спектральной линии. Как будто пространство вокруг антенны дышит.

— Скажи по-русски.

— Природа искажений неизвестна. Их нет в учебниках. — Он помолчал. — Сев, это не военная глушилка. Это океан... поёт. Не метафора. Я проверил датчики глубины под килем. Дно поднимается. На сантиметр за последние два часа. Как будто под нами кто-то есть.

Соболев посмотрел на небо. Звёзды больше не мерцали — они горели ровно, как глаза.

— Когда началось?

— Две недели назад. Сначала раз в три ночи. Потом каждую ночь. Сегодня — уже четыре всплеска.

— Почему не доложил раньше?

— Докладывал Флейшману. Он сказал: «Солнечная активность, Женя». — Фантомас криво усмехнулся. — Я ему про дышащий океан, он про солнечную активность.

— Виола в курсе?

— Да. Она считает, что это может влиять на психику пассажиров.

— Спи, Женя. Если повторится — буди.

— Ты не спишь, — сказал Фантомас. — Ты никогда не спишь. Боишься закрыть глаза?

Соболев не ответил.

Раздел 3. То, чего не может быть

Соболев остался один. Повернулся к морю — затылок покрылся холодом. Не от ветра — ветра не было. От ощущения, что на него смотрят.

Он оглянулся. Пусто. Шезлонги, свёрнутые на ночь, напоминали тела. Бассейн мерцал бирюзовой подсветкой.

Соболев нажал на рацию:

— Грек, как у тебя?

Голос Грека — сухой, как песок:

— Чисто. Море зеркало. Но корабль потряхивает. Не волна. Как будто дно тянет вниз. Я слышу, как скрипит корпус. Уже полчаса.

— Алтай, запускай ночного дрона. Посмотри под днищем.

— Уже запустил, — ответил Андрей Алтаев, оператор с вечно красными глазами. — Сев... гидролокатор показывает ровное дно. Рыбы — ни одной. Но свечение есть. Медленное, пульсирующее. Подводная камера ничего не видит — вода мутная, но сонар фиксирует аномалию. Идеальный круг диаметром больше километра. «Star of the West» — в центре.

— Подними дрона выше. Покажи горизонт.

Дрон поднялся на двести метров. Горизонта не было. Вместо линии, где небо встречается с водой — ровная чёрная пустота. Ни тепла, ни холода, ни звука. Только свечение под килем пульсировало всё быстрее — теперь сонар фиксировал его даже без обработки сигнала.

— Сев, — голос Грека дрогнул. — Спутники пропали. Все. GPS молчит, компасы крутятся. Как будто кто-то очень большой дышит на них.

«Star of the West» дёрнуло. Соболева бросило на пульт, выбило дыхание. По коридорам побежали люди. Сверху донёсся женский крик — долгий, высокий.

— Всем на места, — сказал Соболев в рацию. — Это не шторм. Команда, внимание: это не шторм. Повторять не буду.

Он выбежал на палубу. Небо менялось на глазах. Зелёное — не рассветное розовое, а зелёное, как гнилое яблоко, с фиолетовыми прожилками. Вода бурлила пузырями. Запахло сероводородом и сладким, незнакомым.

Он посмотрел на часы. 05:03, 05:04, 05:05 — застыли на 05:07. Секундная стрелка дёргалась, но не двигалась вперёд.

На палубу выбежал капитан Флейшман — в халате поверх пижамы, без фуражки, седые волосы колом. Глаза безумные.

— Что, чёрт возьми, происходит? — крикнул он. Голос сорвался на фальцет.

— Сэр, — Соболев повернулся к нему. — Мы не на месте. Спутников нет. Компасы не работают. Горизонт не похож ни на одну точку Земли. Мы не на Земле. Или Земля уже не та.

Флейшман посмотрел на зелёное небо, на чёрную стену.

— Соболев, соберите своих. Я подниму тревогу через десять минут.

— Капитан, — Соболев шагнул ближе, понизил голос. — Я не знаю, где мы. Паника убьёт быстрее всего. Дайте мне час. Я разведу берег.

— Час. Ровно час. Если не вернётесь — я действую сам.

Соболев включил рацию на общий канал:

— Виола — в комнате безопасности, координируешь пассажиров. Кукла — центральные коридоры, никого на нижние палубы, оружие под рукой, но не светить. Алтай — дрон надо мной. Грек — наблюдай с вышки. Я ухожу на берег.

Он вернулся в каюту. Достал из-под койки чёрный рюкзак: сухпай, фляга, аптечка, фонарь. Компас — механический, жидкостный, с карданным подвесом. Соболев проверил его: стрелка медленно вращалась, не в состоянии найти север. Он сунул компас в карман — пусть будет, вдруг успокоится. «Глок» — передёрнул затвор, сунул в кобуру. Нож на пояс.

На выходе столкнулся с Виолой. Она держала планшет. Лицо бледное, голос ровный.

— Сев, анализатор воздуха показывает отклонения. Кислород поднялся до двадцати трёх процентов. Дышать легче. Это... как в раю.

— Запомни. Если через два часа меня не будет — собирай совет. Флейшман капитан, но в критической ситуации слушаются меня.

— Поняла.

— И ещё, — он помолчал. — Если увидишь, что горизонт движется — уводи корабль в обратную сторону.

Она кивнула.

Он пошёл на шлюпочную палубу. Конь уже подготовил лодку с бесшумным мотором.

— Один?

— Один.

— Держи.

Конь бросил ему GPS-трекер — маленькую мигающую коробочку с запасным аккумулятором. Соболев сунул его в рюкзак — вдруг спутники оживут, когда корабль уже перенесётся.

Соболев спустился, прыгнул в лодку, отчалил.

Вода под днищем была тёплой — температуры человеческого тела.

Конец первой главы.

Глава 2. Город на воде

Раздел 1. Дорога из тростника

Шрамолицый шёл быстро, но не бежал — так ходят люди, которые никогда не опаздывают, потому что весь мир подстраивается под них. Соболев заметил: тот никогда не оглядывается. Либо безграничное доверие, либо полное безразличие. Соболев подозревал второе. У людей, которые носят шрам от виска до подбородка, безразличие въедается глубже, чем страх.

Берцы чавкали по влажной глине — каждый шаг оставлял ямку, которая тут же заполнялась мутной водой. Подошвы соскальзывали с гладких корней, выступавших из земли, как кости доисторических животных. Туземцы шли босиком — их ступни сами знали, куда ступить.

Тропа петляла. Соболев пытался запоминать повороты, примечать деревья: ствол, расщеплённый молнией, — чёрный, с белыми прожилками, похожими на шрамы; лиану толщиной с руку, обвившую кедр так туго, что дерево, казалось, задыхалось; груды камней, поросших ярко-зелёным, неестественно живым мхом. Но джунгли были враждебны к таким попыткам. Через пятнадцать минут Соболев понял, что не найдёт дорогу назад. Включил GPS-трекер на запястье — координаты были, но карта пуста. Ни городов, ни дорог. Только белое поле с одинокой точкой.

Он шёл и прокручивал в голове скудный запас испанских слов — остатки латиноамериканских контрактов. «Dónde está?», «Cuánto?», «No matar» — детский лепет, которого хватало

разве что на базаре. Надежда была призрачной. С чего бы им знать язык чужаков? Разве что они торгуют с южными племенами, а те — с теми, кто приходит с моря.

Тропа расширилась. Деревья расступились, открывая небо. Серое, предрассветное, с розовыми прожилками на востоке — значит, он шёл не меньше часа.

Они вышли к каналу. Вода стоячая, тёмная, пахла тиной и рыбой. Ширина — метров пятнадцать. На той стороне, в свете факелов, угадывались строения: низкие, глинобитные, с плоскими крышами, крытыми старым выцветшим тростником.

Шрамолицый свистнул — коротко, горлом. Из темноты бесшумно выскользнула пирога. Долблёнка из цельного кедра. На корме и носу — резные головы змей с нефритовыми глазами, отполированными до свечения. В пироге двое гребцов, голые до пояса, с раскрашенными в синий цвет лицами: полосы через глаза, точки на скулах.

Шрамолицый указал Соболеву на нос, рядом со змеиной головой. Соболев шагнул — пирога качнулась. Он сел. Гребцы оттолкнулись шестами, и пирога бесшумно заскользила.

Соболев смотрел под киль. В глубине мерцали золотистые огни — ровные, неестественные. Они двигались по кругу. Он вспомнил свечение под кораблём — такое же круглое.

— Алтай, — прошептал он в рацию, прикрыв микрофон ладонью. — Слышишь?

Шипение. Потом голос Алтая — далёкий, рваный:

— Сев... еле-еле... Дрон над тобой... вижу пирогу... входишь в каналы... Впереди город. Огромный.

— Как далеко?

— Километр... меньше... — голос сорвался в треск.

Связь оборвалась. Соболев убрал руку. Шрамолицый чуть склонил голову — прислушивался.

Пирога нырнула под мост. Низкий, каменный, сложенный из тёсаного базальта без раствора — камни держались собственной тяжестью. Соболев коснулся стены — шершавая, сухая, тёплая.

Они вышли из-под моста — и Соболев увидел город.

Раздел 2. Сердце мира

Город не спал. Тысячи факелов горели на плоских крышах, отражаясь в чёрной воде каналов. Тысячи людей двигались по дамбам и улицам — с той особенной целеустремлённостью муравьёв, строящих дом. Женщины в ярких юбках торговались у причалов, их голоса звенели. Дети спали на циновках прямо на крышах.

И над всем этим — три пирамиды. Они уходили в небо, как пальцы гигантской руки. Самая большая, в центре, — не меньше тридцати метров. Её ступени, выкрашенные в красный — цвет запёкшейся крови, — вели к храмам на платформе. Оттуда тянуло дымом. И ещё чем-то. Тяжёлым, медным, знакомым до тошноты.

Кровь. Не просто кровь — старая кровь. Соболев знал этот запах. Здесь он был многодневным, приторным.

— Бля, — сказал одними губами.

Шрамолицый усмехнулся — сухо, со странным пониманием. И показал рукой на самую высокую пирамиду. «Мы идём туда». Соболев кивнул.

Пирога вошла в гавань. Запах здесь был многоголосым: свежая рыба, горячие кукурузные лепёшки, цветы.

Пирога причалила к каменной лестнице. Соболев поднялся. За ним — шрамолицый. Гребцы остались, передав пирогу причальным сторожам — молодым парням с деревянными бирками на шеях. Рабы. Они не подняли глаз.

Теперь они шли вдвоём по дамбе, вымощенной тёсаным камнем. Слева и справа — вода, отражающая огни так чётко, что казалось, под ними есть второй город. Впереди — три пирамиды.

Шрамолицый остановился, повернулся, заговорил медленно, чеканя слова. Соболев не понимал ни звука. Только иногда проскакивало что-то похожее на испанское — «Тескатлипока». Он понял: без переводчика он слепой. Его спрашивают о происхождении, о корабле, о богах. Соболев поднял руку и показал на небо, где угадывались последние звёзды. — Оттуда, — сказал по-русски. — Мы пришли оттуда. Не боги. Люди. Шрамолицый проследил за жестом, нахмурился, медленно кивнул. И указал на пирамиду.

Они пошли дальше. Молча.

Раздел 3. Дворец

Дворец оказался лабиринтом. Соболев потерял счёт переходам, внутренним дворикам, фонтанам. Стены были расписаны яркими фресками: орлы, пожирающие змей; ягуары с горящими глазами; вода — везде вода.

Ацтеки, — понял Соболев. Теночтитлан.

Шрамолицый открыл резную дверь и жестом пригласил войти. Небольшая комната с высоким потолком, глинобитные стены, окно с решёткой. На полу — три циновки. В углу — кувшин с водой.

— Отдыхай, — сказал шрамолицый и вышел, оставив двух стражников.

Соболев сел, прислонился к стене. В голове не укладывалось — ацтеки. Настоящие. Живые.

Через время дверь открылась. Шрамолицый вошёл, сел напротив.

— Меня зовут Коауак, — сказал он на ломаном испанском.

Соболев чуть не подпрыгнул.

— Ты говоришь на моём языке?

— Немного. Учил у купцов. Они приходят с востока, на больших лодках. У них бороды и железные шляпы.

— Коауак? Что значит?

— Змей-людоед. Отец дал имя, когда я убил первого врага. Мне было двенадцать.

— Хорошее имя.

— Твоё имя?

— Всеволод. Зови Сев.

— Сев, — Коауак коверкнул звук. — Странное имя. Ничего не значит.

— У вас тоже странные.

Коауак усмехнулся.

— Ты не бог. Это не вопрос.

— Я человек. Пришёл с миром.

— Тогда будь готов говорить это снова. В большом зале. Скоро тебя позовёт Тлатоани.

— Тлатоани?

— Император. Монтесума. — В голосе Коауака прозвучало уважение и предостережение.

— Смотри ему в глаза. Говори правду, но не всю. И не показывай, что боишься.

— Я не боюсь.

— Тогда ты глупый. — Коауак поднялся. — Идём.

Они вышли. Пошли по коридорам, устланным мягкими тростниковыми циновками. Мимо воинов в шлемах-ягуарах, мимо писцов, которые рисовали иероглифы, фиксируя чужака. Соболеву стало неуютно: его вносили в списки, ставили клеймо.

Наконец — большой зал. Последняя дверь. Коауак вошёл внутрь, закрыл дверь. Соболев ждал. Пять минут. Десять. Пятнадцать. Из-за двери ни звука. Только птицы пели в глубине дворца, да капала вода.

Дверь открылась. Коауак вышел с двумя другими. Первый — старик в чёрной накидке без украшений, с подвеской из человеческих зубов. Жрец. Второй — молодой, богато одетый,

с наглой усмешкой. Жрец заговорил — низкий, певучий голос, имена богов: Тескатлипока, Уицилопочтли, Кецалькоатль. Он спрашивал, не бог ли Соболев.

Соболев молчал. Коауак резко оборвал жреца. Молодой воин усмехнулся.

Коауак повёл Соболева дальше, внутрь, в самое сердце дворца. Коридоры становились уже, факелы реже. Мимо стражи, мимо жрецов в капюшонах. Наконец — последний зал. Огромный, с кедровым потолком, резными колоннами. В центре — возвышение, покрытое шкурами ягуаров. На возвышении — человек.

— Монтесума, Великий Тлатоани... — прошептал жрец.

Соболев взгляделся. Монтесума был молод — лет тридцать пять-сорок. Полное, но не обрюзгшее лицо, гладкая смуглая кожа, тёмные глубокие глаза. Чёрные волосы собраны в узел, перехвачены золотой нитью. На шее — тяжёлое ожерелье из нефрита и золота. Он сидел прямо, без напряжения, но в позе чувствовалась усталость.

Вокруг — четверо советников. Живые, больные, настоящие: у одного гнойная повязка на руке, другой хромотает, третий чешет экзему.

Монтесума смотрел на Соболева. Долго. Молча. Соболев смотрел в ответ. Не опустил глаз.

Монтесума заговорил. Коауак перевёл жестами и короткими фразами:

— Он спрашивает, откуда ты. Его воины видели дом, который плывёт. Он спрашивает, бог ли ты.

Соболев покачал головой.

— Скажи ему: я не бог. Я человек. Такой же, как он. Я могу умереть от копья. Но я пришёл с миром. И могу дать то, чего нет у его империи.

Коауак перевёл. Монтесума слушал, не меняясь в лице. Пальцы перебирали нефритовые бусы.

Он задал ещё вопрос. Короткий. Коауак перевёл одними губами:

— Что ты можешь дать?

Соболев расстегнул куртку, достал «Глок-19». Воины напряглись. Но он вытащил магазин, выщелкнул патрон на ладонь. Протянул вперёд.

— Железо. Огонь. Смерть, которая летит быстрее копья. Я покажу, как делать такое. Много. Чтобы защитить ваш город от врагов с востока, которые уже плывут.

Монтесума взял патрон, рассмотрел, понюхал. Вернул. Потом улыбнулся — уголками губ, в глазах мелькнуло любопытство. И сказал что-то.

Коауак перевёл, голос чуть дрогнул:

— Он говорит, ты останешься во дворце. Как гость. Не как пленник. Завтра поговорим снова.

Соболев кивнул. Воины встали рядом.

На выходе он обернулся. Монтесума смотрел ему в спину, перебирая бусы. Соболев понял: этот человек боится не чужаков. Он боится пророчества — белого бога с востока. И не знает, верить или нет.

Раздел 4. Циновка и потолок

Его отвели в комнату — не тюрьму, не покои, а нечто среднее. Глинобитные стены, окно с решёткой, циновки, кувшин с водой, миска с лепёшками и рыбой. У стены — двое стражников.

Соболев сел, стянул берцы. Поел. Запил водой.

Закрыв глаза. В наушнике, почти на грани слышимости, голос Виолы:

— Сев... ты жив?.. Мы ждём... отвечай...

Он коснулся наушника два раза: «Я жив. Всё нормально».

— Не уходи... мы держимся...

Он коснулся ещё раз: «Понял. Ждите». И провалился в тяжёлый сон.

Проснулся от стука. Вошёл Коауак.

— Великий Тлатоани сказал, ты вернёшься. Он даст охрану. Ты можешь идти. Соболев надел берцы. Встал.

— Идём.

Они вышли. У входа ждали четверо воинов в шлемах-ягуарах. Пирога у причала.

Солнце поднялось высоко. Теночтитлан в дневном свете был оглушающим. Но Соболев смотрел на восток, где стояла белая точка «Star of the West». Там были его люди. Там был долг.

Пирога отчалила. Соболев сидел на носу, молчал, не оглядывался. Он возвращался.

Конец второй главы.

Глава 3. Голос с воды

Раздел 1. Золотой час

Пирога шла медленнее, чем ночью. Вода в каналах стала мутной — утренний приток людей и лодок поднимал со дна ил. Навстречу то и дело попадались другие пироги: с рыбой — серебристой, ещё бьющей хвостом; с тюками хлопка, белыми, как облака; с клетками, полными птиц. Соболев заметил: никто не смотрит на него с удивлением. Чужак в чёрной куртке, сидящий на носу военной пироги рядом со знаменитым Коауаком, вызывал любопытство, но не панику. Значит, о нём уже знали. Весть разнеслась быстрее, чем он успел доплыть до дворца.

Теночтитлан в утреннем свете оказался неузнаваем. Ночью он казался скопищем тайн и теней — огромным спящим зверем, который дышал дымом и кровью. Сейчас же город предстал во всей своей кипучей, почти безумной жизни, как муравейник, который кто-то пнул ногой. Сотни лодок сновали по каналам, женщины в ярких юбках торговали лепёшками с лотков на плотках, дети ныряли в воду прямо с мостов, поднимая тучи брызг, сверкавших на солнце, как россыпи кварца. Солнце, уже поднявшееся на ширину ладони над пирамидой Уицилопочтли, жарило немилосердно.

Коауак сидел на корме, не глядя на Соболева. Он что-то тихо говорил гребцам — те кивали, не переставая работать вёслами, их движения были отточены до автоматизма. Соболев вслушивался, но испанского в речи Коауака больше не было. Только гортанный наутль, резавший слух непривычными звуками — не как человеческая речь.

Пирога вышла в озеро. Здесь стало просторнее, но и опаснее — открытая вода, никаких укрытий, только гладкая поверхность, отражавшая небо, как зеркало, в которое страшно смотреть. Соболев оглянулся на город. Он уже отдалился, но всё ещё был виден: пирамиды, плотины, белые стены дворцов — и дым. Чёрный, густой, жирный, он поднимался откуда-то из центра, закручиваясь в спирали, похожие на пальцы. Не от костров. От жертвенников.

— Алтай, — сказал он в рацию, уже не скрывая микрофон. — Ты меня слышишь?

На этот раз ответ пришёл почти сразу.

— Сев! Слышу. Ты вышел из города. Дрон видит пирогу. До корабля километров пять. Мы тебя засекали.

— Что на корабле?

— Порядок. — Капитан собрал совет. Пассажиры паникуют, но Виола их держит. Боцман выставил охрану на все шлюпочные палубы. Все живы.

— Передай: через час буду на борту. Пусть готовят горячий душ и нормальную еду. Скажи Бамблу, пусть разливает ром. Всем. Бесплатно.

— Понял. — Алтай отключился.

Соболев убрал руку. Коауак смотрел на него. Так смотрят на странный механизм, пытаясь угадать его устройство. Ни страха, ни восхищения — только холодное любопытство хищника, который не торопится нападать, потому что ещё не понял, с кем имеет дело.

— Ты говоришь с духом? — спросил он на ломаном испанском. — С тем, кого не видно?

— С другом, — ответил Соболев. — Он далеко. Но я его слышу. И он слышит меня.

Коауак помолчал. Потом кивнул, как человек, который принял что-то необъяснимое и решил не тратить на него силы. Некоторые вещи лучше не понимать. Некоторые вопросы лучше не задавать.

— Твой дом, который плывёт, — сказал он. — Он большой?

— Очень большой. В нём живут тысячи людей. Как в городе.

— Людей с твоей кожей?

— Разных. Белых, чёрных, жёлтых. Всяких. Со всех земель.

Коауак усмехнулся.

— И они все слушаются тебя?

— Нет. Они слушаются капитана. — Соболев помолчал. — Но, когда надо стрелять — слушаются меня.

Пирога подошла к берегу — к тому самому песчаному пляжу, где Соболев оставил лодку. Надувная резиновая лодка всё ещё была там, закиданная ветками. Он вышел первым, разгрёб ветки, проверил мотор. Тот заурчал, подчиняясь.

Коауак и четверо воинов остались в пироге. Пирога покачивалась на лёгкой волне, воины сидели неподвижно, как изваяния, — только перья на шлемах трепетали от ветра, да копыя поблёскивали обсидиановыми наконечниками.

— Ты вернёшься? — спросил Коауак. Вопрос прозвучал не как приказ, не как просьба, а как проверка на слом. Словно он хотел понять, чего стоит слово чужака.

— Да. Скоро. Я дал слово.

— Слово чужака мало стоит.

— Моё слово стоит. Ты проверишь.

Коауак посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул и что-то сказал гребцам. Пирога развернулась и пошла обратно, к городу.

Соболев сел в свою лодку, запустил мотор и двинулся к кораблю.

Раздел 2. Корабль-призрак

«Star of the West» стоял на якоре в трёх километрах от берега. Соболев увидел его сразу — огромный, белый, чужеродный на фоне зелёных джунглей и синего неба. Он был как кит, выброшенный на мель в пресном озере — величественный и обречённый.

Соболев подошёл к штурмтрапу. Его уже ждали — Конь спустился на полпути, перегнулся через леер, протянул руку. Ладонь горячая, шершавая, пахла машинным маслом и табаком — запах, который Соболев вдруг осознал, как запах дома.

— Сев, твою мать, — сказал Конь, помогая ему подняться. — Ты как? Живой?

— Жить буду.

— Виола всех на уши поставила. Думали, тебя уже на жертвенник утащили. Грек уже позицию выбирал, откуда стрелять по городу.

— Пока нет. Рано.

Он поднялся на борт. Палуба была пустой — только дежурные у лееров, смотревшие на него с напряжённым любопытством. Соболев прошёл к центральному входу.

Первым его встретил Боцман. Седая борода, красные от бессонницы глаза, руки, сложенные на груди.

— Живой, чёрт, — сказал он. — Хорошо.

— Где капитан?

— В конференц-зале. Собирает совет. Я сказал: ждём тебя. Без тебя не начинали.

— Идём.

Они пошли по коридору. Корабль изменился за те сутки, что Соболева не было. В воздухе висело напряжение, как перед грозой, когда небо становится медным, а тишина — липкой. Люди — пассажиры, стюарды, официанты — смотрели на него с надеждой и страхом. Женщина с третьей палубы — миссис Голдберг, он узнал её по ярко-рыжим волосам, которые

она красила, наверное, ещё в прошлом веке, — стояла у двери своей каюты и плакала. Муж обнимал её за плечи и что-то шептал. Она всхлипывала и повторяла: «Я хочу домой, я хочу домой». Её голос был высоким, детским, совсем не соответствующим морщинистому лицу.

Соболев ускорил шаг.

Раздел 3. Совет

Конференц-зал находился на палубе А, рядом с рестораном «Атлантис». За длинным столом сидели: капитан Флейшман, старпом Рейнольдс, Виола, Алтай, Химик, Кукла, Грек, братья Фроловы, Фантомас и трое пассажиров.

Сэр Хьюберт — британский пенсионер, тот самый, с роллс-ройсом в трюме. Вместо твидового пиджака на нём была льняная рубашка с коротким рукавом, но галстук-бабочка остался — чёрный, шёлковый, единственная вещь, связывавшая его с прежней жизнью. Лицо красное, вытянутое, с глубокими морщинами вокруг глаз, ставшими глубже за одну ночь. Он сидел прямо, как на приёме у королевы, и только пальцы, нервно барабанившие по столу, выдавали его состояние.

Дон Эрнесто — мексиканский кардиохирург. Высокий, седой, с цепким взглядом человека, привыкшего принимать решения за доли секунды. Он сидел, положив руки на стол, и не отрывал глаз от Соболева.

Лена — немецкая студентка. Лет двадцати двух, русые волосы собраны в хвост, на лице — смесь страха и азарта. Она пришла в чём спала — в джинсах и футболке с надписью «Technische Universität Berlin». Пальцы перепачканы чем-то синим — чернилами; она что-то рисовала на салфетке. На салфетке была пирамида.

Флейшман встал, когда Соболев вошёл. Виола пододвинула ему стакан воды. Он выпил, поморщился — вода была тёплой и пахла хлоркой.

Соболев рассказал всё. Без эмоций, без прикрас. Тропа, пирога, каналы, город, пирамиды, запах крови, дворец, жрецы, Монтесума, Коауак, патрон. И то, что завтра — или через несколько дней — он вернётся во дворец уже не один. Когда он закончил, в зале повисла тишина. Слышно было, как гудит вентиляция и как тикают настенные часы, которые никто не заводил уже сутки.

Первым заговорил сэр Хьюберт. Он поправил бабочку.

— Молодой человек, — сказал он. — Вы хотите сказать, что мы попали в прошлое? В эпоху ацтеков? И что их император — тот самый Монтесума, которого убили испанцы?

— Тот самый, — ответил Соболев. — Но испанцы ещё не пришли. У нас есть годы. Может быть, десять. Может быть, пятнадцать.

— И вы предлагаете заключить с ними союз?

— Я предлагаю не дать им перерезать нас всех, как только они поймут, что мы не боги.

Дон Эрнесто подал голос. Спокойно, как на консилиуме.

— Сеньор Соболев, я историк по образованию. Кардиология — это моя вторая профессия. Монтесума — фигура сложная. Он не просто император. Он — верховный жрец, военачальник и главный судья. Если вы произвели на него впечатление, это уже много. Но если вы вернётесь к нему с пустыми руками — он сочтёт вас лжецом. А лжецам у них вырезают сердца.

— Я вернусь с оружием. И с теми, кто умеет его показывать.

— Оружием, которое кончится через один бой, — резко сказал Флейшман. Он поднялся, обошёл стол, остановился напротив Соболева. — Соболев, я не военный. Я капитан. Моя задача — спасти людей. А вы предлагаете воевать с империей, у которой миллион подданных?

— Я предлагаю не воевать. Я предлагаю показать силу, чтобы нас не тронули.

— А если тронут? Четыре тысячи патронов против ста тысяч копий?

— Тогда мы умрём, — спокойно сказал Соболев. — Но умрём мы в любом случае, если ничего не делать. Ацтеки рано или поздно придут на корабль — из любопытства, из жадности,

из страха. И тогда наши автоматы не помогут, потому что их будет слишком много. Единственный шанс — стать им нужными. Не врагами, не богами — союзниками.

Лена подняла руку.

— Извините, — сказала она с сильным акцентом. — Я, может быть, не понимаю чего-то. Но если мы в прошлом, то мы можем изменить историю. Мы можем предотвратить геноцид. Разве это не стоит риска?

— Девочка, — сказал сэр Хьюберт, — вы смотрели слишком много фильмов. Изменение истории — это не просто «спасти индейцев». Это значит, что ваши родители, возможно, не встретятся. Что вы не родитесь.

— А разве это важно, если мы уже здесь и не можем вернуться? — спросила Лена.

Дон Эрнесто улыбнулся — впервые за весь разговор, тепло, по-отечески.

— Умная девочка, — сказал он. — В неё я верю больше, чем в нас, стариков.

Флейшман поднялся. Обвёл взглядом стол.

— Голосуем. Кто за то, чтобы Соболев возглавил делегацию к Монтесуме и начал переговоры о военном союзе?

Поднялись руки. Соболев не поднимал

Рейнольдс воздержался. Флейшман проголосовал последним.

— Я против, — сказал он. — Но решение совета меня обязывает. Соболев, вы получите карт-бланш. Но помните: на корабле три тысячи гражданских. Они не стреляли, не убивали и не готовы умирать за ваши идеи.

— Они уже умирают, капитан, — сказал Соболев. — Каждый день без лекарств, без связи, без надежды на возвращение. Единственный способ выжить — построить здесь мир, где у нас есть место.

Он вышел из-за стола. На пороге обернулся:

— Завтра утром я ухожу на берег. Со мной — Виола, Кукла, Грек, Миха. Тиша остаётся за старшего. Оружие — четыре автомата, один пулемёт, пистолеты всем. Патронов — три тысячи. Покажем ацтекам, что мы умеем. А там — как боги положат.

Он вышел. За ним — тишина. Только сэр Хьюберт тихо сказал: «Богов нет, молодой человек. Есть только мы и наши ошибки».

Раздел 4. Обычные люди

Утром Соболев вышел на палубу. Народ гулял. В бассейне плескались дети — они ещё не понимали, что случилось. У бара Бамбл разливал «Маргариту» — запасы текилы были ещё приличные, но он сэкономил их, разбавляя соком. В шезлонгах загорали женщины в бикини, их кожа уже успела стать бронзовой под чужим солнцем. Если не знать, что корабль застрял в прошлом, можно было подумать, что это обычный круизный день, что за горизонтом Майами, а не джунгли, из которых идёт дым.

Но пассажиры изменились. Соболев видел это по глазам. По тому, как они сбивались в группы, шептались, оглядывались на горизонт, за которым — ничего. По тому, как некоторые — особенно пожилые — сидели в одиночестве, уставившись в одну точку, и не замечали, как остывает кофе в их чашках.

Виола подошла сзади. Встала рядом, оперлась на леер

— Тяжело им, — сказала она. Я была у миссис Голдберг сегодня утром. Знаешь, что она сказала?

— Что?

— «Я только что купила внуку велосипед. Он ждёт его к субботе». — Виола помолчала. — Она не плакала. Сидела с абсолютно сухими глазами и перебирала пуговицы в коробке. Пятьдесят семь лет коллекционировала пуговицы. Знаешь, зачем?

Соболев покачал головой.

— Чтобы пришить на пальто, когда поедет в гости к дочери. Дочь живёт в Бостоне. Она копила на билет два года.

— Откуда ты знаешь?

— Она рассказала. За сорок минут рассказала мне всю свою жизнь. И пуговицы. Господи, эти пуговицы. Она их сортировала по цвету, по размеру, по материалу. У неё была коробка из-под сигар, доверху набитая пуговицами. И она сказала: «Теперь уже не пригодится».

Соболев молчал. Смотрел на воду. Вода была чёрной, только у борта — белая пена.

— А другие, — продолжала Виола. — Семья из Техаса. Отец — баптистский пастор. Он каждое утро собирает пассажиров на молитву на корме. Там уже человек двести собирается. Молятся о спасении. Он говорит, что Господь послал им испытание. А жена его плачет в каюте по ночам, потому что их младшая дочь — астматик, а ингаляторы кончатся через неделю.

— У нас есть запасы.

— Есть. А через месяц? Через два? Что мы будем делать, когда антибиотики кончатся? Лечить их травами? Дон Эрнесто сказал, что местные знахари умеют останавливать кровь, но не знают, что такое инфекция.

Соболев не ответил.

Они постояли ещё несколько минут в тишине. Потом Виола повернулась к нему. Её глаза были красными, но она не плакала. Виола никогда не плакала при нём.

— Сев. Ты ведь понимаешь, что мы не вернёмся? Не на Землю. Не домой.

— Понимаю.

— И что многие умрут?

— И это понимаю.

— Тогда зачем ты это делаешь?

Соболев посмотрел на джунгли. Там, за полосой зелени, поднимался дым.

— Затем, — сказал он, — чтобы некоторые — не все, но некоторые — могли пришить пуговицы к пальто. И чтобы дети в бассейне не спрашивали, почему вода красная.

Виола долго смотрела на него. Потом кивнула и ушла. Её шаги были тихими, почти неслышными. Соболев остался один.

Раздел 5. Железо и люди

Оружейная находилась на палубе G, в техническом отсеке, который на планах значился как «помещение для уборочного инвентаря». Соболев открыл дверь кодом, который знал только он, Фантомас и Боцман. За дверью была стальная клетка — решётка, сваренная из арматуры, замок на два оборота. Внутри — стеллажи.

Соболев включил свет. Двенадцать автоматов Калашникова — разных модификаций. Все в смазке, с полными магазинами. Он провёл рукой по стволам, проверяя, не появилась ли ржавчина — влажность здесь была бешеная, конденсат скапливался на металле за ночь. Чисто.

Четыре снайперских винтовки. Три пулемёта ПКП «Печенег» — на сошках, рядом коробки с лентами. Тяжёлые, неудобные для джунглей, но если придётся оборонять корабль — лучшего оружия не придумать. Один «Корд» — крупнокалиберный, 12,7 мм.

Гранаты. Больше сотни. В основном дымовые и светосумовые. И два РПГ-26 — ручных противотанковых гранатомёта.

Патроны. Сорок одна тысяча двести. Этого хватит на одну большую операцию. Не на войну. Не на выживание.

— Маловато, — сказал он вслух.

— Чего маловато? — спросил Фантомас, появившийся в дверях неслышно, как тень.

— Всего. Патронов, времени, надежды.

— Сев, у нас есть завод? Нет. Есть лаборатория? Химик что-то мутит с порохом, но это пока сырые опыты. У нас есть одно преимущество: они не знают, что мы умеем. И мы не должны показывать всё сразу.

— Я знаю.

— Тогда зачем грустишь? — Фантомас подошёл ближе. — Ты сделал то, что должен был. Ты вернулся живым. Остальное — потом.

— Я не грущу. Я думаю. Как научить пятьдесят человек стрелять так, чтобы они попали во врага, а не в себя. Как объяснить Монтесуме, что его боги молчат, а наши пушки говорят.

— Объяснишь, — сказал Фантомас. — Ты умеешь. Ты всегда умел.

Он ушёл. Соболев постоял, глядя на стеллажи с оружием. Потом выключил свет, закрыл оружейную и вышел. В коридоре было темно, только аварийная подсветка горела синим.

Раздел 6. Среди своих

Вечером Соболев собрал свою команду в столовой для персонала. Комната была тесной, пахло жареной рыбой и дешёвым кофе, который Химик варил из последних запасов. Столы сдвинуты, все сидели вплотную, локти соприкасались. Братья Фроловы заняли полдивана, Кукла сидел на подоконнике и вертел в руках нового вязаного пингвина. Грек приткнулся у стены, снайперская винтовка в чехле стояла рядом. Боцман наливал себе коньяк в пластиковый стаканчик — ровно в полночь, по привычке, хотя часы уже давно показывали без пяти двенадцать.

Виола открыла банку пива — запрещённого, но Соболев сделал вид, что не заметил, — отхлебнула и сказала:

— Так. Сев, ты ходил туда. Ты видел их. Скажи нам прямо: мы можем им доверять?

Соболев сел, положил руки на колени. Все смотрели на него. Даже Кукла отложил пингвина.

— Никому нельзя доверять, — ответил он. — Но их можно понять. Ацтеки живут в мире, где боги требуют крови. Где война — это не только способ захватить земли, но и способ добыть сердца для жертвоприношений. Они не злые. Они другие.

— Другие — это как? — спросил Тиша Фролов. — Они людей жрут?

— Жрецы вырезают сердца на пирамидах. Тела сбрасывают вниз. Я не знаю, что с ними делают потом — возможно, съедают. — Соболев помолчал. — Но это не их главная цель. Их главная цель — удержать мир на плечах. Они верят, что если перестанут приносить жертвы, солнце не взойдёт. Это не жестокость. Это отчаяние.

— Бред, — сказал Миха.

— Для нас — бред. Для них — реальность. Мы не можем переубедить их за месяц. Но мы можем показать им другую силу.

— Силу железа, — сказал Грек. Это был не вопрос.

— Да. И силу знания. Монтесума не дурак. Его империя трещит по швам. Глашкаланцы на востоке не платят дань. Чичимеки на севере грабят караваны. Ему нужен союзник. Но он не знает, можно ли нам верить.

— Так докажи, — сказала Виола.

— Докажу.

Разговор перешёл на детали. Кто поедет с Соболевым в следующий раз. Сколько оружия взять. Что делать с пассажирами, если начнётся паника. Как организовать охрану корабля на время отсутствия Соболева. Говорили тихо, но жёстко. Спорили, но без крика. В какой-то момент Миха стукнул кулаком по столу — чашки подпрыгнули — и сказал:

— Я за Соболева. Хоть в пекло. Хоть к этим... с перьями. Он нас не бросал. И мы не бросим.

Решили так: с собой — Виола, Грек, Кукла и Миха. Тиша остаётся на корабле — вместе с Боцманом они будут держать оборону. Оружие: четыре автомата (два показывать, два в запас), один «Печенег» для демонстрации мощи, пистолеты у всех. Патроны — три тысячи. Демонстрация: стрельба по мишеням на берегу, вдали от города. Без жертв. Срок — через два

дня. За это время Химик должен сделать анализ воды и почвы — узнать, есть ли там что-то, что нас убьёт быстрее, чем копыя.

— Вопросы? — спросил Соболев.

Вопросов не было. Только Грек поднял голову.

— Сев, — сказал он. — А если они решат, что мы — боги? Что тогда?

— Тогда, — ответил Соболев, — мы им скажем, что боги не пьют растворимый кофе и не ходят в туалет. И что мы такие же люди, как они. Просто с лучшим оружием.

— А если не поверят? — спросил Кукла.

— Поверят. — Люди всегда верят в то, что им выгодно.

Он поднялся, взял свой стакан с водой. Все встали.

— За тех, кто не вернётся.

Все подняли стаканы. Выпили молча. Даже Виола, которая обычно не пила. Даже Кукла, который всегда вязал. Даже Грек, который никогда не чокался.

Раздел 7. Ночь перед

Соболев не спал. Он лежал на своей узкой койке, смотрел в потолок и слушал, как корабль дышит. Где-то гудели вентиляторы, где-то капала вода из крана — кап-кап-кап, как метроном. Где-то над головой, на верхней палубе, играла музыка.

Он думал о Наде. О том утре, когда уходил в последнюю командировку. Она стояла в дверях, держала на руках Артёма — ему тогда было четыре. Не плакала. Сказала только: «Вернись». Он не вернулся. Не потому, что погиб — потому что после Африки не мог смотреть на мирное небо. Ему нужно было, чтобы небо пахло порохом, иначе он не понимал, жив ли он ещё. Он позвонил ей через год, когда контракт кончился. Она сказала: «Не надо. Мы уже не ждём». И положила трубку.

Он не винил её. Он винил себя. И продолжал винить.

Мысль об Артёме, который сейчас, наверное, где-то в Твери, живёт своей жизнью, не зная, что отец провалился в прошлое, резала острее ножа. Он представил, что скажет ему, если когда-нибудь вернётся. «Понимаешь, сын, я попал во времена ацтеков. Подружился с императором. Научил индейцев стрелять из автоматов». Артём бы не поверил. Или поверил бы — в двадцать три года верят во что угодно. Даже в то, что отцы не бросают детей.

Он закрыл глаза. Перед глазами стоял Теночтитлан — пирамиды, каналы, дым. И лицо Монтесумы — усталое, с глубокими глазами. «Ты не бог», — сказал тогда Коауак. «Я говорил», — ответил он. Но Монтесума смотрел иначе. В его взгляде была надежда. Страшная, жадная надежда человека, который слишком долго ждал чуда. И теперь боялся, что чудо обернётся катастрофой.

Соболев перевернулся на бок. В дверь постучали. Тихо, условно — два коротких, один длинный.

— Войдите.

Это был Химик. Лицо бледное, под глазами залегли тени — он не спал двое суток.

— Сев, я тут посчитал.

— Что?

— Содержание металлов в воде из озера. Выше нормы, но не смертельно. А вот воздух... — Химик запнулся, потёр переносицу. — Воздух странный. Кислорода двадцать три процента — это много. Мы привыкнем, но первое время будет кружиться голова. И ещё: я нашел в пробах воздуха частицы пылицы. Её здесь тысячи видов. Некоторые — аллергенные. У пассажиров могут начаться приступы астмы.

— У нас есть лекарства?

— Запас ингаляторов на три месяца.

— Справимся.

Химик сел на край койки. Планшет положил на колени. Помолчал. Потом сказал:

— Сев, — голос его дрогнул — впервые за всё время, — ты уверен, что мы делаем правильно? Союз с ацтеками — это не просто обмен технологиями. Это влезание в чужую культуру. Мы можем их сломать.

— Они уже сломаны, — сказал Соболев. — Их сломают испанцы через пятнадцать лет. Я предпочту сломать их сам, но сохранить живыми.

— А если они нас сломают? — спросил Химик. — Если Монтесума решит, что мы — угроза?

— Не решит.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. — Соболев помолчал. — Потому что я видел его лицо. Он боится. Не нас — того, что будет после нас. Мы для него — единственный шанс. А отчаявшиеся люди не убивают свои шансы.

Химик помолчал. Потом встал. На пороге обернулся.

— Береги себя, Сев.

— Постараюсь.

Химик вышел. Соболев остался один. Встал, подошёл к маленькому иллюминатору. В иллюминаторе — чёрная вода, серебряная дорожка от луны. Луна была той же. Он проверил: та же орбита, тот же свет, те же кратеры. Хотя бы это не изменилось.

Он долго стоял, глядя на луну. Потом лёг и провалился в сон — без сновидений, тяжёлый.

Раздел 8. Утро второго дня

Проснулся от того, что кто-то колотил в дверь. Соболев открыл — на пороге стоял запыхавшийся Алтай.

— Сев, на берегу движение. Толпа. Сотни, может, тысячи.

— Ацтеки?

— Они. Выстроились вдоль берега. Не нападают — смотрят. И там впереди... тот, с кем ты вчера говорил. Коауак. Он держит белый флаг. Самодельный, из ткани. — И ещё. Грек говорит, там есть женщины и дети. Пришли все.

Соболев оделся за минуту. Натянул куртку, проверил пистолет, сунул запасную обойму в карман. Выбежал на палубу.

Солнце только вставало — низкое, оранжевое, оно висело над джунглями, как раскалённая монета. Воздух влажный, тяжёлый.

На берегу, на песчаной косе, стояли воины. Много. Сотни. Копья блестели на солнце, перья на шлемах колыхались на ветру, как листья. Но оружие было опущено. Впереди — Коауак. Он держал над головой длинное древко с привязанным куском белого хлопка. Флаг перемирия.

— Что он говорит? — спросил Боцман, подошедший сзади.

— Пока ничего. Но я пойду.

— Опять один?

— Нет. Со мной — Виола и Кукла. Миха — тоже. Грек — на вышке, приготовь винтовку.

И приготовьте катер — если что, забираете нас и уходите.

— Без тебя не уйдём, — сказал Боцман.

— Уйдёте. Приказ.

Соболев спустился по штурмтрапу. Лодка уже была на воде — Конь подготовил её ещё затемно. Виола, Кукла и Миха сидели внутри — молчаливые, сосредоточенные.

Соболев отчалил.

Лодка шла медленно. Три километра до берега. Соболев чувствовал, как колотится сердце — не от страха, от предчувствия. Сейчас что-то начнётся. Что-то, что нельзя будет остановить. Он посмотрел на своих людей. Виола — бледная, но спокойная. Кукла — улыбается, хотя улыбка вымученная. Миха — злой, готовый к бою.

— Ребята, — сказал Соболев. — Если что пойдёт не так — не геройствуйте. Падайте на дно лодки, я прикрою.

— Командир, — сказал Кукла. — Мы все прикроем. Не ты один.

Лодка ткнулась в песок. Соболев вышел первым. Вода была тёплой, почти горячей, залилась в берцы, но он не обратил внимания. Виола и Кукла — следом. Миха замыкал, автомат на ремне, палец на предохранителе.

Коауак стоял в десяти метрах. Белый флаг он уже опустил, прижал древко к земле.

— Великий Тлатоани ждёт тебя, — сказал он на испанском. — Сегодня. Не завтра. Он хочет видеть твоих воинов и твоё оружие. Хватит слов. Покажи дело.

— Мои воины здесь, — Соболев кивнул на Виолу, Куклу и Миха.

Мы покажем. Но не здесь. На открытом месте, где никто не пострадает.

Коауак кивнул. Его взгляд скользнул по автоматам — не с любопытством, с холодной оценкой. Он уже понял, что это не палки.

— Идём. Я проведу.

Они двинулись вглубь берега, к джунглям. За ними — сотни воинов, расступившихся, давая дорогу. Тысячи глаз смотрели на них — чёрные, блестящие, немигающие. Соболев шёл и думал: обратной дороги нет. Он вступил на этот берег чужаком. Теперь он вступал на него командиром. Человеком, за которым стояли три тысячи жизней. Впереди была история, которую ему предстояло переписать.

Он шёл, не оглядываясь. И только один раз, когда тропа нырнула под полог джунглей, он бросил взгляд назад — на полоску воды, на белый силуэт корабля, на солнце, встававшее над чужим миром.

И шагнул в темноту.

Конец третьей главы.

Глава четвёртая. Железо и дым

Раздел 1. Тропа воинов

Джунгли днём оказались хуже, чем ночью. Ночью они были просто чёрными и влажными. Днём стали зелёными, кричащими, липкими. Каждый лист, каждая лиана, каждый ствол — всё покрыто слоем влаги, которая не просыхала никогда. Соболев шёл вторым за Коауаком, и через пять минут чёрная куртка промокла насквозь — не от дождя, от воздуха.

Сзади шли Виола, Кукла и Миха. Он слышал их тяжёлое, сбивчивое дыхание — люди не привыкли к такой влажности и грязи. Виола иногда поскользнулась на корнях, вскрикивала, но тут же выпрямлялась и продолжала идти. Кукла двигался бесшумно, как всегда — даже в джунглях его шаги не выдавали присутствия. Только иногда шелестела ткань рубахи, когда он перешагивал через поваленный ствол. Миха топал, как лось, ломая сучья и чертыхаясь сквозь зубы. Он злился на себя за это.

Тропа, по которой вёл Коауак, была узкой — два человека в ряд не разминутся. По бокам — стена зелени, из которой торчали колючки, цветы размером с голову ребёнка и жёлтые ягоды, похожие на глаза. Ягоды смотрели на Соболева, и ему становилось не по себе. Коауак обходил их стороной — не касался, не срывал. Значит, ядовиты. Значит, этот лес знает, как убивать.

— Сколько идти? — спросил Соболев на испанском.

Коауак ответил, не оборачиваясь.

— До города — час. До дворца — два.

— А до места, где можно стрелять?

— За городом есть поле. Там тренируются воины. Никто не пострадает.

Соболев кивнул.

Через полчаса тропа расширилась. Джунгли расступились, открывая вид на озеро — слева, метрах в ста, блестела бирюзовая вода, отражавшая облака. Справа потянулись поля.

Кукуруза — высокие стебли, почти в рост человека, с тёмно-зелёными листьями, шелестевшими на ветру. Между полями — оросительные каналы, выложенные камнем, с медленно текущей водой. Соболев остановился на секунду, рассматривая. Система продумана до мелочей — вода текла ровно, не застаивалась, не заболачивала почву. Ацтеки умели кормить свой город.

По краям полей работали люди.

— Сев, — сказал вдруг Кукла сзади. Голос тихий, но Соболев услышал в нём напряжение. — Ты чувствуешь?

— Что?

— Запах. Сильнее, чем вчера.

Соболев принял. Да. Кровь. Не старая, ввевшаяся, как в городе, а свежая, железистая, режущая ноздри. Она тянула с той стороны, где над деревьями поднимался дым — чёрный, жирный, медленный. Дым жертвенников.

— Жертвоприношение, — сказала Виола. Не вопрос — утверждение.

— Утро, — ответил Коауак, не оборачиваясь. — Солнце должно взойти. Боги должны быть сыты.

Миха выругался по-русски. Коротко, зло, одним словом. Виола вздрогнула, но ничего не сказала.

— Не сейчас, — сказал Соболев. — Соберись.

— Я собран, командир. — Миха перехватил автомат поудобнее. — Но если они тронут хоть одного из нас...

— Не тронут. Им нужны мы живыми.

Коауак повернулся. Посмотрел на Миху — долго, спокойно, как смотрят на зверя, которого ещё не решили, стоит ли бояться. Потом перевёл взгляд на Соболева.

— Твой воин зол, — сказал он. — Злой воин плохо слышит. Может наделать ошибок.

— Он услышит, — ответил Соболев. — Когда надо.

Коауак кивнул и пошёл дальше. Его босые ноги ступали по влажной земле бесшумно, и Соболев вдруг понял: этот человек — дома здесь, в этих джунглях, на этой тропе. А они — гости. Непрошенные, опасные, но гости.

Раздел 2. Поле для стрельб

Поле для воинских упражнений находилось за городской стеной, на широкой ровной площадке между двумя дамбами. Земля здесь была утоптана тысячами босых ног и кожаных сандалий, усеяна тёмными пятнами — то ли от пролитой крови, то ли от давно угасших жертвенных костров. По краям поля в неровный ряд стояли деревянные чучела, оклеенные тростником, в человеческий рост. На некоторых были надеты настоящие боевые шлемы — помятые, со следами ударов, с выщербленными краями. Чучела походили на солдат, уже неспособных держать строй, но всё ещё готовых принять смерть.

— Здесь наши воины учатся биться, — сказал Коауак. — Здесь можно показать твоё оружие. Никто не пострадает.

Соболев огляделся. Вокруг, на почтительном расстоянии, собралось около трёхсот ацтеков. Не только воины — женщины, старики, дети. Кто-то забрался на низкие глинобитные крыши ближайших домов, кто-то сидел на корточках прямо на земле, поджав босые ноги, кто-то стоял, опираясь на длинные копьё с обсидиановыми наконечниками. Солнце стояло в зените, жгло нещадно; от земли поднималось дрожащее марево.

— Хорошо, — сказал Соболев. Он снял чёрную куртку, повесил её на торчащий из земли обгорелый кол, оставшись в одной футболке. — Виола, скажи им: пусть не подходят ближе ста метров. И пусть закроют уши ладонями.

— Закроют уши? — Виола не поняла, нахмурилась.

— Скажи. Иначе оглохнут. Это не копьё и не стрела. Это гром. Настоящий гром, который мы носим с собой.

Виола повернулась к Коауаку. Заговорила на ломаном науатле — медленно, с ошибками, коверкая окончания, но внятно. Коауак выслушал, нахмурился так, что его шрам на щеке изогнулся, но приказ повторил громко, властно, махнув рукой. Толпа отхлынула к краям поля. Люди зажимали уши ладонями — правда, не все, некоторые смотрели с насмешливым недоверием. Старики качали головой, перешёптывались. Дети, наоборот, тянули шеи, пытаясь разглядеть чужаков.

— Давай, Миха, — сказал Соболев.

Миха Фролов снял автомат с плеча, передёрнул затвор. Резкий металлический щелчок пронёсся над полем, и ближайšie ацтеки вздрогнули. Миха встал в пол-оборота к мишеням, ноги на ширине плеч, приклад плотно в плечо. Соболев отошёл в сторону.

— Огонь.

Миха нажал на спуск. Очередь в три патрона ударила по ушам, как разрыв. Коротко, сухо, резко — звук, которого этот мир не слышал никогда за всю свою историю. Он отскочил от каменных дамб, покатился по полю, ударил в стены ближайших домов и вернулся искажённым, многократным эхом, будто сама земля заговорила чужим голосом. Толпа замерла. Те, кто не закрыл уши, схватились за головы, закричали. Женщины заголосили — высоко, испуганно, перекрывая друг друга. Дети заплакали в голос. Одна древняя старуха, согнутая временем, рухнула на колени и заметалась, отгоняя злых духов иссохшими руками.

Миха выстрелил ещё раз — одиночный, прицельный. Пуля вошла в тростниковое чучело точно в грудь, выбив из него облачко сухой трухи и пыли. Третий выстрел перебил деревянный кол, и мишень рухнула, взметнув фонтан перемешанной земли и щепок.

Наступила тишина. Звон в ушах, тяжесть в груди. И далёкий, затихающий плач ребёнка, которого мать прижимала к себе, закрывая лицо рукой.

Соболев повернулся к Коауаку. Воин стоял неподвижно, как изваяние. Лицо его ничего не выражало — только глаза, широко открытые, смотрели на обломки чучела. В них не было страха. Было холодное, тяжёлое понимание.

— Это железо, — сказал Соболев, и голос его прозвучал твёрдо, как приговор. — Это огонь. Это смерть, которая приходит без стрелы, без копья, без лука. Быстрее ветра. Быстрее мысли. Вы не видели ничего подобного, но вы увидите снова. Если будет нужно.

Коауак молчал долго. Потом шагнул вперёд, подошёл к Миха. Протянул руку к автомату — медленно, без угрозы. Миха вопросительно посмотрел на Соболева. Тот кивнул.

Коауак взял автомат в обе руки. Подержал, взвесил на ладонях — рука не дрогнула. Провёл пальцем по стволу, заглянул в дуло, осмотрел прицел, магазин. Потом вернул, бережно, как хрупкую вещь.

— Дай мне выстрелить, — сказал он. Не попросил — потребовал. Спокойно, без вызова, но твёрдо.

Соболев помедлил секунду. Потом кивнул Миха. Тот поставил оружие на предохранитель, передал Коауаку. Объяснил жестами и короткими словами — куда смотреть, как держать приклад, где находится спусковой крючок, как снимать с предохранителя. Коауак вскинул автомат к плечу. Неправильно — приклад прижал не к плечу, а к ключице, ствол ушёл вверх. Соболев подошёл, поправил, опустил ствол к оставшимся мишеням.

— Смотри на цель. Не на ствол. Выдохни. И плавно нажимай. Не дёргай.

Коауак замер, задержал дыхание, потом медленно выдохнул и нажал спуск. Очередь ушла в землю — пули взрыли чёрную грязь в двадцати метрах от мишеней. Коауак дёрнулся от отдачи, сделал шаг назад, но удержал оружие, не выпустил.

— Смерть, которая летит, — повторил он, опуская автомат. — Ты прав. Это не оружие человека. Это оружие бога.

— Я говорю тебе, я не бог, — ответил Соболев, глядя ему в глаза. — Я человек. Такой же, как ты. Просто у меня есть железо, которого у вас нет.

— Тогда ты пришёл от бога, — не сдавался Коауак.

Соболев не стал спорить. Он повернулся к толпе. Люди молчали. Некоторые плакали, закрыв лица руками. Другие смотрели на него с надеждой — той самой, страшной, жадной надеждой, которая бывает у тех, кто вдруг увидел свет в конце туннеля. Третьи — с ненавистью. Чистой, незамутнённой, как пламя в священном костре.

Ицтли, старый кузнец, стоял в первом ряду, опираясь на молот. Глаза его блестели — не от слёз, от жадного, почти болезненного интереса. Он смотрел не на Соболева — на железо. На автомат, на стреляные гильзы, на дымящиеся стволы.

Соболев подошёл к Коауаку, забрал автомат.

— Запомни этот день, — сказал он. — Сегодня вы впервые увидели настоящее оружие. Не копыя и щиты. А железо и порох. И запомните главное: это не колдовство. Это знание. И мы можем поделиться им с вами. Или можем использовать против вас.

— Выбирай слова осторожнее, чужак, — тихо сказал Коауак.

— Я уже выбрал. — Соболев повесил автомат на плечо. — Я выбрал быть с вами. Но это не значит, что я буду терпеть глупость.

Они стояли друг напротив друга — воин древней империи и солдат из будущего. Толпа затаила дыхание.

Потом Коауак медленно кивнул.

— Идём, — сказал он. — Тлатоани ждёт.

Они двинулись к дворцу. За спиной осталось поле для стрельб, разбитые мишени и запах пороха.

Раздел 3. Дворец — второй раз

Во дворец его вели уже не как гостя — как посла. Дорога была другой: не через боковые входы, которыми пользуются слуги и чужаки, а через главные ворота, открывавшиеся только для победителей и послов. По широкой лестнице, выложенной белым камнем, мимо двух рядов воинов в шлемах-ягуарах, скрестивших копыя над головой Соболева. Жест, смысла которого он не понял, но запомнил — ритуал, означавший либо «добро пожаловать», либо «ты под нашей защитой», либо «ты наш пленник, но мы пока не говорим».

Внутри дворца было прохладно. Фонтаны работали на полную — вода стекала по каменным желобам, создавая белый шум, заглушавший шаги и шёпот. Соболев шёл по коридорам, за ним — Виола, Кукла, Миха. Коауак вёл, теперь уже не один — с ним были двое жрецов в чёрном, не смотревшие на чужаков, но чьи взгляды Соболев чувствовал затылком. Тяжёлые, как камни.

Их провели в тот же зал, где вчера был Монтесума. Но сегодня там было по-другому. Больше людей. Больше света — горели все жаровни, масло чадило, поднимаясь к потолку густым ароматным дымом. Слуги разносили подносы с едой и питьём, жрецы сидели на циновках вдоль стен, советники перешёптывались. В центре — Монтесума. Но не один. Рядом с ним сидела женщина.

Молодая. Лет восемнадцати — двадцати. Смуглая кожа, гладкая, без единого изъяна. Чёрные волосы, заплетённые в две косы, уложенные вокруг головы, как корона. На ней — голубая накидка с золотой вышивкой: птицы, цветы, звёзды. На шее — нефритовое ожерелье в три ряда, такое тяжёлое, что Соболев удивился, как она держит голову прямо. Сидела прямо, не горбясь, и смотрела на Соболева так же, как он на неё — в упор, без страха, с холодным любопытством.

— Моя дочь, — сказал Монтесума. — Текуичпо. Она хочет видеть человека, который принёс железо.

Соболев поклонился — не в пояс, просто кивнул. Текуичпо не ответила. Только губы чуть дрогнули — то ли улыбка, то ли усмешка. В её глазах, чёрных и блестящих, как обсидиан, не было ни тепла, ни враждебности. Только холодный расчёт.

— Она говорит на языке южных купцов, — добавил Монтесума. — На твоём языке. Говори при ней, она переведёт.

— У меня есть свой переводчик, — Соболев кивнул на Виолу.

— Её оставь. Моя дочь переведёт. — Голос Монтесумы не терпел возражений.

Виола бросила взгляд на Соболева. Он чуть качнул головой: не спорь.

— Хорошо, — сказал он.

Разговор начался.

Раздел 4. Язык жестов и стали

Монтесума говорил долго. Голос ровный, без эмоций, но Соболев чувствовал за каждым словом напряжение. Текуичпо переводила — медленно, с лёгким акцентом, делавшим её речь похожей на пение, но точно. Соболев узнал в её речи испанские слова, вкрапленные в науатль.

— Мой отец спрашивает, — сказала она. — Ты говоришь, что можешь дать железо. Но железо есть и у нас. Мы плавим золото, медь, серебро. Мы можем делать украшения.

— Железо — это не для украшений, — ответил Соболев. — Для мечей, ножей, наконечников. Ваши обсидиановые лезвия острые, но ломаются при ударе о плотные хлопковые панцири. Железо не ломается. Оно гнётся, но не ломается.

— Покажи.

Соболев достал нож «Кизляр-2». Положил на ладонь, протянул. Текуичпо встала, подошла, взяла нож. Её пальцы тонкие, но сильные — она держала оружие не впервые. Коснулась лезвия пальцем — осторожно, но не боязливо. Провела по лезвию — выступила кровь. Тонкая красная линия на смуглой коже. Она посмотрела на каплю, слизнула её.

— Острый, — сказала она. — Острее обсидиана.

— Не только острый. Он не ломается. Ударь им по камню.

Текуичпо подняла нож, ударила плашмя по нефритовой пластине на столе. Звон разнёсся по залу, заставив жрецов вздрогнуть. Нож остался цел. Она поднесла к глазам лезвие — ни царапины, ни зазубрины.

— Хорошо, — сказала она. — Сколько таких ножей ты можешь дать?

— Пока — немного. Наше железо не бесконечно. Но мы можем научить вас делать своё. Плавить руду, ковать, закалять. Сделать вас сильнее.

— Научить? — Монтесума подал голос, не дожидаясь перевода. Он понял слово «научить». — Ты хочешь дать моим кузнецам свои знания?

— Да.

— Зачем? Зачем тебе, чужаку, делать нас сильнее? — В голосе императора прозвучало не недоверие — удивление.

Соболев поднял голову, посмотрел прямо в глаза Монтесуме.

— Потому что через несколько лет с востока придут люди в железных панцирях. У них будут большие лодки, большие пушки, большие звери, каких ты не видел. Они придут не торговать — забирать. Убьют твоих жрецов, разрушат храмы, сожгут город. Я видел, как это бывает. Я хочу, чтобы ты смог их остановить.

Текуичпо переводила. Её лицо не менялось, только голос стал тише. Когда она закончила, Монтесума долго молчал.

— Откуда ты знаешь, что они придут? — спросил он наконец.

— Я — оттуда, — сказал Соболев. — Из времени, где они уже пришли. И всё сожгли. Я видел рисунки в книгах. Я читал, как умирали ваши боги.

В зале стало тихо. Только вода журчала в фонтанах, и где-то далеко пела птица.

Раздел 5. Испытание

Монтесума подозвал к себе пожилого мужчину в кожаном фартуке, с руками, покрытыми шрамами от ожогов — старых, белых, и новых, розовых, ещё не заживших. Кузнец. Соболев

понял это по инструментам, висевшим у того на поясе: молоток, клещи, зубило из меди, тусклой и зелёной от времени.

— Он говорит, что может научить тебя делать железо, — сказал Монтесума кузнецу. — Покажи ему нашу плавку.

Кузнец поклонился и жестом пригласил следовать за ним. Его лицо ничего не выражало, только глаза — живые, цепкие — ощупали Соболева с ног до головы.

Они вышли во внутренний двор. Там, под навесом из тростника, стояла печь — невысокая, глинобитная, обмазанная глиной, потрескавшейся от жара. Рядом — куски руды, чёрные, с красноватыми вкраплениями. Гематит. Соболев узнал — он видел такую руду в Африке, где местные кузнецы плавил железо в ямах, и оно получалось плохим, но острым.

— Мы нагреваем камень, — показал кузнец, разводя руками. — Он плавится. Получается медь, золото, серебро. Железо — нет. Железо не плавится.

— Потому что ваша печь слишком холодная, — сказал Соболев. — Нужно больше воздуха. И уголь, не дрова.

Он подошёл к печи, заглянул внутрь. Красноватое свечение, жар — но не тот, который нужен. Температура не выше шестисот градусов. Для железа нужно больше тысячи. Он повернулся к Миша.

— Миша, покажи им наши меха.

Миша Фролов снял с плеча рюкзак, достал маленький электрический вентилятор — тот самый, что они использовали для обдува электроники, чтобы не перегревалась. Кузнец отшатнулся, когда Миша включил его. Вентилятор завыл, закрутил воздух, поднимая пыль.

— Это дует сильнее, чем десять твоих мехов, — сказал Соболев. — С таким воздухом железо плавится.

Кузнец протянул руку, подставил ладонь под поток воздуха. Глаза расширились. Он засмеялся — высоко, по-детски. Соболев понял: этот старик только что увидел чудо.

— Ветер в коробке, — прошептал он.

— Ветер в коробке, — согласился Соболев.

Раздел 6. Ночной разговор

Их снова отвели в ту же комнату — с циновками, кувшином воды, миской фруктов. Соболев отправил Мишу и Куклу отдыхать, а сам сел у окна. Виола осталась с ним.

— Устала? — спросил он.

— Нет. На адреналине. — Она потеряла виски. — Голова болит от напряжения.

— Ты хорошо переводила.

— Я почти не переводила. Его дочь делала это лучше. — Виола помолчала. — Она умная.

И опасная.

— Текуичпо, — Соболев повторил имя, пробуя на вкус. — Что оно значит?

— «Дева-воительница». В некоторых племенах так называют девочек, рождённых под знаком ягуара. Она не просто принцесса. Обучена владеть копьём и атлатлем. Она не боится крови.

— Я видел, как она смотрела на нож.

— Ты заметил? — Она хотела его забрать. — переспросила Виола.

— Заметил. Она хотела его забрать. Пусть забирает. Мы сделаем новые.

Виола помолчала.

— Сев, ты всерьёз думаешь, что сможешь их научить? За несколько лет — выплавлять сталь, делать порох, строить корабли?

— Нет. Но я могу научить их главному — не бояться. Испанцы придут с пушками и лошадьми. Ацтеки побегут, потому что никогда не видели ни того, ни другого. Если я покажу им, что гром и огонь — не магия, а техника, они не побегут. А если не побегут — у них есть шанс.

— Ты веришь в это?

— Должен верить. Иначе зачем мы здесь?

В дверь постучали. Вошёл Коауак, бесшумный, как тень. В руках — поднос с горячими лепёшками и чашкой шоколада. Поставил на пол, сел рядом, скрестив ноги.

— Великий Тлатоани доволен, — сказал он. — Но не все довольны. Жрецы шепчутся. Говорят, ты принёс оружие, которое убивает без крови. Это оскорбляет богов.

— Пусть их боги обидятся на меня. Я не их.

— Ты не боишься?

— Боюсь. — Соболев помолчал. — Но страх не должен мешать. Если он мешает, ты уже мёртв.

В глазах Коауака промелькнуло уважение.

— Ты странный, Сев. Не бог, не человек. Где-то посередине.

— Я просто солдат. Солдат, который устал воевать.

— Солдат, который говорит с духами и носит ветер в коробке.

Коауак поднялся, поклонился и вышел.

Соболев отломил лепёшку, положил в рот. Пресная, горячая, с хрустящей корочкой и сладковатым привкусом кукурузы. Он жевал и смотрел на звёзды.

— Ложись, — сказал он Виоле. — Завтра будет трудный день.

— А ты?

— Я посижу ещё. Подумаю.

Виола легла на циновку, свернулась калачиком. Через минуту её дыхание стало ровным, глубоким — она спала.

Соболев остался один. Смотрел в окно на чужое звёздное небо. Он закрыл глаза и попытался не думать о том, сколько людей умрёт, если он ошибётся. Не получилось.

Раздел 7. Корабль без командира

На «Star of the West» вечер второго дня выдался тревожным. Боцман, оставленный за старшего, ходил по палубам молчаливый, заложив руки за спину. Он проверил оружие, расставил охрану, переговорил с каждым из своих — с Тишей, с Химиком, с Фантомасом, с Алтаем, с Греком. Грек сидел на вышке с винтовкой, всматриваясь в джунгли, и не отвечал на вопросы — только кивал или качал головой.

— Должны были вернуться к вечеру, — сказал Алтай, когда Боцман зашёл в комнату безопасности. — Связи нет уже шесть часов. Я вызываю их каждый час — тишина.

— У них всё нормально, — ответил Боцман. — Если бы что-то случилось, мы бы услышали стрельбу.

— Или не услышали бы.

— Не каркай.

Алтай замолчал, но продолжил крутить колёсико настройки частоты.

На палубе у бассейна собралась толпа. Пассажиры знали, что Соболев ушёл на берег. Знали, что с ним — четверо. Слухи расползались, как круги по воде. Кто-то говорил, что они отправились договариваться с индейцами. Кто-то — что их взяли в плен. Кто-то — что они предали и сбежали в джунгли, бросив всех.

Бамбл разливал ром, не поднимая головы. Он слышал все разговоры, но не вмешивался. Только иногда, когда кто-то из пассажиров подходил слишком близко к краю бассейна и смотрел в тёмную воду слишком долго, Бамбл окликал:

— Эй, мистер. Ром лучше смотреть, чем воду. Вода обманывает.

Сэр Хьюберт сидел в шезлонге с книгой, но не читал. Он смотрел на запад, туда, где за горизонтом скрывался город.

— Всё это очень странно, — сказал он подошедшему дону Эрнесто. — Я думал, что в моём возрасте меня уже ничем не удивить.

— В моём тоже, — ответил дон Эрнесто, садясь рядом.

— Вы верите, что они вернуться?

— Я верю в сеньора Соболева. Он производит впечатление человека, который умеет возвращаться.

Лена, немецкая студентка, сидела на корме, свесив босые ноги за борт. Рядом с ней сидел Фантомас — горбатый, молчаливый.

— Ты не боишься? — спросила она.

— Боюсь, — ответил он. — Но сидеть и ждать — хуже.

— Я хочу научиться стрелять.

— Зачем?

— Если они придут — индейцы — я не хочу быть беспомощной. Не хочу, чтобы меня... — она не договорила.

Фантомас посмотрел на неё. Впервые за вечер в его глазах появилось что-то похожее на уважение.

— Приходи завтра в спортзал. В шесть утра. Скажешь Боцману, что я послал.

— Спасибо.

— Не за что.

Раздел 8. Тишина перед бурей

Соболев проснулся от того, что в комнату ворвался утренний. Он не заметил, как заснул — сидя у окна, прислонившись головой к стене, так что шея затекла и ныла. Виола уже проснулась, сидела на циновке, расчёсывая волосы деревянным гребнем. Миха и Кукла пили воду из кувшина, передавая его друг другу.

— Доброе утро, командир, — сказал Кукла.

— Доброе. — Соболев потёр лицо, прогоняя остатки сна.

Дверь открылась. Вошёл Коауак. Лицо напряжённое, сведённое желваками. Шрам на щеке казался блее обычного.

— Тлатоани зовёт тебя. Сейчас.

— Что случилось?

— Жрецы требуют твоей крови. Они говорят, что ты лжец. Что железо, которое ты принёс, — колдовство. Что боги разгневаны, и если не принести жертву, солнце не взойдёт.

Соболев встал. Поправил кобуру, проверил пистолет — передёрнул затвор, дослал патрон, поставил на предохранитель. Пальцы действовали автоматически, но в груди неприятно зануло. Не страх — предчувствие.

— Кто требует? Назови имена.

— Главный жрец Уицилопочтли. Его зовут Тлакаэлель. Он стар, но голос его громок. За ним — все жрецы и половина воинов храмового гарнизона.

— А что говорит Монтесума?

— Молчит. Ждёт тебя.

Соболев повернулся к своим. Виола уже натянула куртку. Кукла положил вязание в карман. Миха проверил автомат.

— Виола, ты со мной. Кукла, Миха — остаётесь здесь. Если через час меня не будет — прорывайтесь к лодке и на корабль. Без меня.

— Сев, — начал Миха, сжимая автомат так, что побелели костяшки.

— Без меня! — Соболев повысил голос. — Это приказ. Ты понял?

— Понял.

Они вышли. Коридоры дворца казались длиннее, чем вчера. Жрецы в чёрном стояли вдоль стен, не шевелясь, как статуи. От них пахло дымом и только что пролитой кровью. Соболев шёл быстро, за ним — Виола. Коауак вёл, не оглядываясь.

В главном зале было темно. Жаровни не горели — только свет из открытых дверей падал на базальтовый пол жёлтыми прямоугольниками. Монтесума сидел на троне. Его пальцы перебирали нефритовые бусы быстро, нервно, с сухим треском.

Рядом стоял жрец — высокий, худой, с лицом, похожим на череп, обтянутый пергаментной кожей. Чёрная накидка, на груди — подвеска из человеческих зубов, поблёскивавших в полумраке. Глакаэлель.

— Ты, — сказал жрец на ломаном испанском. — Ты пришёл.

— Я пришёл.

— Твоё оружие — ложь. Твои слова — ложь. Ты не от богов. Ты от тьмы. — Жрец поднял посох, и Соболев заметил, что наверху — обсидиановый нож.

— Может быть. Но оружие работает.

Жрец шагнул вперёд. Виола напряглась, подалась вперёд, но Соболев поднял руку: стой.

— Докажи, — сказал жрец. — Докажи, что твой огонь сильнее нашего копья. Пусть твой воин сразится с нашим. Один на один. Без твоей железной палки. Только копье и щит.

Соболев посмотрел на Монтесуму. Тот молчал.

— Хорошо, — сказал Соболев. — Пусть сразится. Но не сегодня. Через три дня. И не с моим воином — с другим. Я сам выйду.

Виола дёрнулась, схватила его за локоть.

— Ты с ума сошёл, — прошептала она по-русски. — Они убьют тебя.

— Заткнись, — так же тихо ответил он. Внутри всё похолодело — он только что подписал себе приговор, но выбора не было.

Жрец усмехнулся.

— Ты умрёшь. Боги получают твоё сердце.

— Посмотрим, — ответил Соболев, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — У твоих богов ещё будет время подождать.

Он развернулся и вышел, не дожидаясь разрешения. Виола побежала за ним. Коауак остался в зале.

Конец четвёртой главы

Глава пятая. Кровь и камень

Раздел 1. Коридор

Соболев вышел из зала быстрым шагом, не оглядываясь. За спиной остались жрецы — зашептались, зашуршали, — и Монтесума, который так и не поднял глаз. Сидел, перебирая нефритовые бусы, глядя в пол, в чёрный базальт, в котором отражались его собственные страхи.

В коридоре Виола догнала его, схватила за локоть — пальцы впились в предплечье.

— Стой. — Её голос был тихим, но в нём звенело, как в натянутой струне. — Ты понимаешь, что ты сделал?

Он остановился. Повернулся. В полутьме её лицо было бледным, глаза блестели — не от слёз, от ярости и страха.

— Я сделал единственное, что мог.

— Единственное? — Она почти засмеялась, но смех застрял в горле. — Ты подписал себе смертный приговор. Они выставят лучшего воина. Не одного — десятерых, если захотят. Жрецы плюют на правила, когда хотят крови.

— Будет один. — Соболев говорил спокойно. — Жрецы не дураки. Десять против одного — это признание слабости. Им нужна чистая победа. Один на один, копье и щит.

— Ты уверен?

— Нет. Но это единственный шанс.

Она отпустила его локоть. Отступила к стене, прижалась спиной к холодному камню, закрыла глаза на секунду. Когда открыла — в них была уже не ярость, а усталость.

— Ты идиот, — сказала она. — Я пойду с тобой.

— Не нужно.

— Не нужна? А кто будет переводить, когда ты будешь лежать на земле с пробитым лёгким? Кто скажет им, чтобы не добивали?

Он почти улыбнулся. Почти — уголок рта дёрнулся вверх.

— Идём.

Раздел 2. Уроки

Они вернулись в комнату. Миха чистил автомат. Кукла вязал. Розовый бегемот с голубыми глазами уже обрёл форму; теперь он вывязывал ему хвост. Соболев сел на циновку, прислонился к стене.

— Ну что, командир? — спросил Миха, не поднимая головы. — Нас казнят или отпустят?

— Ни то, ни другое. Я вызвал их главного воина. Через три дня. Сам выхожу.

Миха присвистнул. Протяжно, с уважением. Кукла поднял бровь — единственное движение, которое выдавало его удивление.

— Без оружия? — спросил Кукла.

— Нож возьму. Но покажу только в крайнем случае.

— А если крайний случай наступит сразу?

— Тогда будет плохо. Но я постараюсь.

Кукла отложил вязание. Положил бегемота на циновку, встал, подошёл вплотную.

— Ты хочешь, чтобы я тебя подготовил?

— Да.

— За три дня я не сделаю из тебя бойца. Но я напому тебе то, что ты забыл. Твоя техника — армейская, жёсткая. Она работает, когда у тебя есть оружие. Копьё бьёт иначе.

— Напоминай.

Три дня превратились в ад. Кукла гонял его без остановки. Соболев падал, вставал, снова падал. Его лицо покрылось синяками — под левым глазом, на скуле, на подбородке. Рёбра ныли от ударов Куклы. Ладони стёрлись в кровь о каменный пол; Виола перевязывала их каждое утро, и бинты пропитывались алой влагой.

Миха помогал — изображал противника с копьём. Сначала медленно, объясняя каждый замах. Потом всё быстрее, почти в полную силу. Палка от швабры ломалась дважды. Вместо неё поставили черенок от метлы.

— Твоя проблема, — сказал Кукла на второй день, когда Соболев в очередной раз не смог уйти от выпада, — ты думаешь, что противник будет бить так, как ты привык. А он будет бить иначе. У него другой угол, другой ритм, другое дыхание. Копьё — это длинный рычаг. Он может ударить с трёх метров — ты даже не успеешь шагнуть. И может ударить с трёх сантиметров — тогда копьё бесполезно, как палка.

— Как не дать ему выбрать дистанцию?

— Входить в клинч. Как только он заносит копьё — шаг вперёд, под руку. Там копьё становится просто деревяшкой. А у тебя — нож, локти, голова. И зубы.

— Зубы?

— Тоже оружие. Не брезгуй. В драке на выживание нет грязных приёмов.

Кукла взял у Миха палку. Встал в стойку. Соболев шагнул вперёд — и снова пропустил удар коленом в живот, согнулся, выдохнул со свистом.

— Ещё раз, — сказал Кукла.

И Соболев делал ещё раз. Сто первый. Двести первый. Пока тело не запомнило движения, пока мышцы не начали реагировать быстрее мыслей.

Раздел 3. Гость в темноте

На вторую ночь, когда Соболев сидел у окна, разминая затёкшую шею, дверь открылась без стука.

Текуичпо вошла одна. В одной руке — копьё, длиной почти в её рост, с обсидиановым наконечником, поблёскивавшим в свете масляной лампы. В другой — щит, обтянутый кожей ягуара, с перьями по краям. Поставила их у двери, прислонив к косяку, и села напротив, скрестив ноги. Её лицо в полумраке казалось вырезанным из тёмного дерева — гладкое, непроницаемое, только глаза живые.

— Ты глупый, — сказала она на испанском. — Жрецы смеются во всех храмах. Ставят на твою кровь.

— Посмотрим.

— Твой бой будет против Койотля. Лучший воин моего отца. Убил сорок врагов в бою и двадцать — на ритуале. Он не знает пощады. Он разрывал людей голыми руками. Я видела.

— Я не прошу пощады.

— Ты не боишься смерти?

— Боюсь. — Соболев помолчал. — Но я боюсь не её. Я боюсь умереть бесполезно. Если я умру, мои люди останутся без командира. Их убьют или сделают рабами. Вот чего я боюсь.

Она помолчала. Потом протянула руку и коснулась его предплечья — там, где под закатанным рукавом виднелся старый шрам.

— Это сделало железо? — спросила она.

— Да. В Африке. Снаряд разорвался рядом.

— Больно было?

— Сначала нет. Я не понял, что задело. Потом, когда побежал, нога подогнулась.

— Ты лечил сам?

— Меня лечил товарищ. Химик. Извлёк осколок, зашил кожу. Сказал, повезло — могло попасть в артерию.

Текуичпо убрала руку. Но не отвела взгляда.

— У вас много странных слов. Химик. Кукла. Грек.

— Это не имена. Клички. Позывные.

— Зачем вам клички?

— Чтобы враг не знал настоящих имён. Если враг знает твоё имя, он знает твою слабость.

Она усмехнулась. Не колко — грустно, с ноткой усталости, которая не вязалась с её молодым лицом.

— Моё настоящее имя не Текуичпо. Так меня называют при чужих. Настоящее знает только отец и главные жрецы.

— А мне не скажешь?

— Зачем?

— Чтобы знать. Если я умру завтра на поле, я умру, зная твоё имя.

Она долго смотрела на него.

Потом Текуичпо встала.

— Если победишь, скажу. Если нет — не узнаешь никогда.

Она взяла копьё и щит и вышла. Дверь закрылась с глухим стуком.

Виола кашлянула из угла.

— Она в тебя влюбляется.

— Не говори ерунды.

— Я серьёзно. Она смотрит на тебя как на новое оружие, которое нельзя отдать врагу.

Соболев лёг на циновку, закрыл глаза.

На рассвете третьего дня пришёл Коауак. Вошёл без стука — дверь открылась, и он заполнил проём своим широким телом. Шлем-ягуар был зажат под мышкой, волосы растрёпаны, под глазами залегли тени — он тоже не спал эту ночь.

— Тлатоани хочет видеть тебя одного.

Соболев поднялся с циновки, разминая затёкшую спину. Три дня тренировок с Куклой давали о себе знать — каждое движение отзывалось болью в мышцах, но он старался не показывать этого.

— Кто ещё будет во дворце? — спросил он.

— Жрецы. Воины. Советники. Многие. — Коауак говорил без обычной усмешки, только усталость сквозила в его голосе. — Тлакаэлезь привёл всех, кого смог собрать. Хочет устроить показательный суд.

— Показательный?

— Чтобы народ видел, как император выбирает чужака вместо богов. Или как боги отвергают чужака. Ему всё равно. Лишь бы кровь пролилась.

Соболев кивнул. Он уже понял: жрецам нужна не справедливость, не истина — им нужен спектакль. И он собирался сыграть в нём главную роль.

— Тогда мои люди идут со мной.

— Тлатоани сказал — один.

Соболев повернулся к своим. Виола сидела на циновке, поджав ноги, и смотрела на него с тревогой. Она не спрашивала, всё ли хорошо — по лицу и так было видно. Она только сжимала край циновки так, что побелели костяшки.

Миха перестал чистить автомат. Замер с ветошью в руке, не донеся до ствола. Его рыжая борода топорщилась, челюсть была сжата так, что на скулах ходили желваки.

Кукла отложил вязание — бегемот был почти готов, не хватало только глаза. Одна пуговица лежала рядом на циновке — чёрная, блестящая, как зрачок. Кукла взял её, примерил к бегемоту, потом убрал в карман. Жест был будничным, почти ленивым, но Соболев знал: так Кукла прощается.

— Если через час меня не будет, — сказал Соболев, глядя на Виолу, — прорывайтесь к лодке.

— Прорываемся, — ответила она. — И на корабль.

— Без меня.

— Без тебя. — Её голос не дрогнул, но в глазах что-то переломилось, как сухая ветка.

Миха хотел что-то сказать, но передумал. Только сжал автомат крепче и кивнул. Один раз, резко.

Кукла не сказал ничего. Кукла не сказал ничего. Он просто поднял вязаного бегемота и сунул Соболеву в карман куртки.

— Вернётся, — сказал Кукла. — Я не закончил.

Соболев вышел. С каждым шагом стены будто сужались, давили на плечи. Узкие бойницы пропускали мало света, и факелы горели редко — сэкономили масло, хотя дворец тонул в золоте. Пахло старой смолой, сыростью и чем-то сладковатым — ладаном, которым жрецы окуривали себя перед ритуалами.

Жрецы в чёрном стояли вдоль стен, не шевелясь. Они не смотрели на Соболева, но он чувствовал их взгляды. От них пахло дымом и кровью — свежей, только что пролитой. Кто-то встретил рассвет на жертвеннике. Соболев старался не думать о том, чьё сердце вырезали, пока он заканчивал последнюю тренировку.

Он шёл ровно, не ускоряясь и не замедляясь. Он знал: если сейчас побежать или, наоборот, замешкаться, жрецы почувствуют слабость. А слабость здесь — смертный приговор.

В конце коридора, перед дверями в главный зал, Коауак остановился и обернулся. Его лицо ничего не выражало, но шрам на щеке пульсировал — едва заметно, в такт сердцу.

— Ты готов? — спросил он тихо, так, чтобы не слышала стража.

— Нет, — ответил Соболев. — Но это не отменяет приказа.

Коауак кивнул. Что-то мелькнуло в его глазах — может быть, уважение, может быть, страх. Он толкнул дверь.

— Тогда идём. Они ждут.

Раздел 5. Суд

В большом зале было тесно — жрецы, воины, советники. Они стояли плотно, плечом к плечу, и воздух дрожал от напряжения. Даже масляные лампы, казалось, горели ярче обычного, выхватывая из полумрака потные лица, блестящие наконечники копий, чёрные капюшоны жрецов.

Монтесума сидел на троне, выпрямившись, как струна. Сегодня он не перебирал бусы. Руки неподвижно лежали на подлокотниках, и только пальцы изредка вздрагивали — как будто он сдерживал себя, чтобы не начать привычную нервную игру.

Рядом, на низкой скамеечке, — Текуичпо. Её лицо было непроницаемым, но пальцы перебирали бахрому накидки — быстро, нервно. Она не смотрела на отца. Она смотрела на Соболева. Взгляд тяжёлый, испытывающий.

Соболев стоял в центре зала, окружённый чужими людьми с чужими богами. За его спиной — тишина. Виолу, Миху и Куклу не пустили. Он был один.

— Завтра твой бой, — сказал Монтесума. Голос звучал ровно, без дрожи, но в нём слышалась усталость — та самая, что бывает у человека, который слишком долго носит корону. — Ты готов?

— Да.

— Ты знаешь, что если умрёшь — твои люди останутся без командира?

— Знаю.

— Ты всё равно выйдешь?

— Выйду.

В зале зашептались. Жрецы переглянулись. Воины замерли, вжимая копья в каменный пол. Кто-то тихо засмеялся — нервно, истерично. Тлакаэлель, стоявший в первом ряду чёрных накидок, сжал посох так, что побелели костяшки.

Монтесума встал. Подошёл к Соболеву вплотную — на расстояние удара. Соболев не отступил. Они стояли лицом к лицу — два человека, разделённых пятью веками. Один — император величайшей империи Нового Света. Второй — солдат из мира, которого ещё не существовало.

— Ты не боишься меня, — сказал Монтесума. Это был не вопрос, скорее утверждение.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты умный. Умные не убивают тех, кто может пригодиться.

Монтесума усмехнулся — одними глазами, едва заметно. Уголки его губ дрогнули, и на секунду в них мелькнуло что-то человеческое, не императорское.

— Ты прав. Я не убью тебя. Но Койотль убьёт. Он не подчиняется мне в бою. Он служит богам.

— Не нужно его останавливать.

— Ты уверен?

Соболев выдержал паузу. В зале стало тихо настолько, что слышно было, как потрескивают угли в жаровнях.

— Я уверен только в одном: после завтрашнего дня этот дворец уже не будет прежним.

Он поклонился — коротко, по-военному, одним кивком, — развернулся и вышел. Не оглядываясь. За спиной — тишина. Только шорох чёрных накидок, только тяжёлое дыхание воинов, только взгляд Текуичпо, который скользнул по его спине, как лезвие.

Она смотрела ему вслед. Пальцы её наконец замерли.

Раздел 6. Ночь перед боем — смерть Куклы

Он не спал. Лежал на циновке, смотрел в потолок из кедровых брёвен.

В дверь постучали. Не условно — громко, настойчиво.

Соболев вскочил. На пороге стоял Коауак, бледный, с перекошенным лицом.

— Жрецы пришли за твоим оружием. Говорят, что если ты выйдешь с ножом — бой будет нечестным. Они хотят обыскать комнату.

— Пусть ищут.

— Они уже идут.

Соболев повернулся к своим. Достал «Кизляр-2» из-за пояса, сунул под циновку. Пистолет оставил в кобуре — под курткой.

— Спрячь нож, — сказал он Кукле.

Кукла кивнул. Взял нож, ловко засунул его в вязаного бегемота — в живот, между розовых петель. Ничего не выдавало. Соболев знал: Кукла мог бы спрятать нож в рукаве, в голенище, в сотне мест. Но он выбрал бегемота. Игрушку, которую вязал для детей, которых никогда не увидит.

Дверь распахнулась. Вошли трое жрецов в чёрном, за ними — четверо воинов. Обыскали комнату. Перевернули циновки, заглянули под них, проверили кувшин с водой, миски. Один из жрецов подошёл к Кукле, выхватил из его рук бегемота. Тело игрушки хрустнуло под его пальцами.

— Что это?

— Игрушка, — сказал Кукла.

Жрец сжал игрушку сильнее. Нож внутри пропорол ткань, и лезвие блеснуло в свете факела.

Жрец закричал. Воины схватили Куклу. Он не сопротивлялся — только посмотрел на Соболева. В его глазах не было страха. Было спокойствие. Облегчение.

— Прости, командир, — сказал он. — Не уберёг.

— Ты... — Соболев шагнул вперёд, но Коауак перехватил его, прижал к стене.

— Не сейчас. — Голос был тихим, почти умоляющим. — Если ты вмешаешься — они убьют вас всех. А так — только одного.

— Отпусти! — Соболев рванулся, но Коауак держал крепко, как скала.

Кукла уже стоял в дверях. Обернулся на секунду — в последний раз. Его губы шевельнулись, и Соболев прочитал по ним: «Не вини себя. Я знал, на что шёл».

Жрецы выволокли его в коридор. Соболев смотрел, как он уходит. Бегемот упал на пол — там, где его выронил жрец. Розовый, с вылезшими нитками, с дырой в животе. Соболев поднял его, сунул в карман. Ткань была ещё тёплой от рук Куклы.

В коридоре раздался крик. Короткий. Потом звук падающего тела. Потом тишина.

Виола заплакала. Молча — слёзы текли по щекам, она не вытирала их, не издавала ни звука. Миха сжал кулаки так, что побелели костяшки, и ударил ими в стену — раз, другой. Кровь выступила на сбитых костяшках.

— Они убили его, — сказал он. Голос был чужим, незнакомым.

— Знаю.

— Мы должны... — начал Миха.

— Ничего мы не должны. — Завтра бой. Завтра я выйду на поле. И если я умру — вы уходите. Кукла умер, чтобы мы жили. Не дайте ему умереть зря.

Он сел на циновку, достал из кармана розового бегемота, посмотрел на него долгим взглядом. Соболев провёл пальцем по вылезшим ниткам, потом сунул игрушку обратно — туда, где билось его собственное сердце.

Виола подошла, села рядом, положила голову ему на плечо. Он не обнял её — просто не отодвинулся.

— Он вязал их для детей, — прошептала Виола. — Для чужих детей. Которых никогда не видел.

— Я знаю.

— Он хотел, чтобы они не боялись. Чтобы у них были игрушки.

— Я знаю, — повторил Соболев.

Они сидели так почти всю ночь. В комнате было тихо. Миха в углу застыл, уставившись в одну точку. Кровь на его костяшках запеклась, стала чёрной.

Перед глазами стояло лицо Куклы — спокойное, почти счастливое в последнюю секунду. «Не вини себя. Я знал, на что шёл». Кукла знал. Все они знали. Но знать и принять — разные вещи.

Он сжал в кармане бегемота и закрыл глаза.

Раздел 7. Утро

Он проснулся за час до рассвета. Тело болело — каждая мышца, каждый сустав. Плечо саднило после вчерашних тренировок, рёбра ныли от ударов Куклы, ладони горели от сбитых мозолей. Но он встал. Умылся холодной водой из кувшина — она обожгла лицо, прогнала остатки сна. Надел чистую футболку — последнюю. Берцы оставил в углу — выйдет босиком. Босые ступни коснулись холодного каменного пола. Он пошевелил пальцами — пол был шершавым, тёплым от солнца, которое уже не здесь.

Ножа не было. Только пистолет под курткой, но пистолет он не мог взять — это будет не бой, а расстрел. И он не хотел, чтобы Куклу убили зря.

Он достал из кармана бегемота, посмотрел на него. Зашитая дыра смотрела чёрным пятном. Соболев поцеловал игрушку — странно, нелепо, но иначе он не мог. Сунул обратно.

— Пора, — сказал он.

Виола и Миха вышли с ним. Виола держалась прямо, но в глазах — пустота. Миха нёс автомат на плече, лицо каменное, сжатая челюсть выдавала единственную эмоцию — жажду крови. Соболев знал: если бой пойдёт не по плану, Миха не остановится ни перед чем.

Поле для боя было тем же. Сейчас оно выглядело иначе — огороженное верёвками из агавы, с деревянными трибунами для знати. Тысячи людей собрались — женщины, дети, старики, воины. Заполнили всё пространство от дамб до джунглей. Они стояли плотно, плечом к плечу, затаив дыхание. Даже дети не плакали — только смотрели широко раскрытыми глазами.

В центре поля ждал Койотль.

Он был огромен. Под два метра, плечи шире дверного проёма. Кожа блестела от масла, мышцы перекачивались под ней. Лицо раскрашено чёрным и красным — полосы через глаза, губы выкрашены в синий. Шлем в виде ягуара, пасть разинута, зубы из раковин. Щит из шкуры ягуара — голова зверя смотрела прямо на Соболева. Копьё с обсидиановым наконечником — длиной почти в два человеческих роста, древко толщиной с руку. Наконечник был выщерблен — не от времени, от ударов. Койотль дрался этим копьём не один год.

Койотль стоял неподвижно. Только глаза двигались — чёрные, маслянистые, следили за каждым движением Соболева. Он не моргал. Он улыбался — той страшной, хищной улыбкой, от которой у нормальных людей подкашиваются колени.

Соболев остановился в двадцати шагах. Снял куртку, бросил на землю. Остался в чёрной футболке, брюках, босиком. Ветер потянул холодком по голым ступням.

Толпа загудела, засвистела:

— Где твоё оружие? — Смотрите, с голыми руками идёт! — Безумец!

Койотль хохотнул — глухо, раскатисто, как камнепад. Он перехватил копьё поудобнее, сделал пробный выпад в воздух — свист рассек тишину, и несколько женщин на трибунах вскрикнули.

Коауак, распорядитель боя, поднял руку. Толпа затихла.

— Начинайте!

Койотль не бросился сразу. Он посмотрел на Соболева — так смотрят на добычу, которая уже попала в ловушку, но ещё не поняла этого. А потом улыбнулся снова. Кровь из разбитой губы потекла по подбородку, но он не вытер. Он наслаждался моментом.

Койотль шагнул вперёд. Не побежал — пошёл, тяжело, как бык, вбивая босые пятки в утопанную землю. Каждый шаг отдавался глухим стуком. Копьё свистнуло в воздухе — рубящий удар сверху, наискось, от правого плеча к левому бедру. С такой силой, что воздух загудел. Соболев ушёл в сторону — в последний момент, когда древко уже свистело над ухом. Копьё вонзилось в землю, выбив фонтан грязи и мелких камней. Один камень ударил Соболева в щёку, но он не моргнул.

Койотль выдернул копьё одной рукой — с такой силой, что комья земли полетели в трибуны. Женщины взвизгнули. Он замахнулся снова — колющий в живот, короткий, без замаха, страшный своей скоростью. Остриё несло прямо в солнечное сплетение.

Соболев не ждал. Вместо того чтобы отпрыгнуть, он шагнул внутрь дистанции — под левую руку, туда, где копьё теряет силу. Прямо навстречу удару. Ударил локтем в челюсть — вложив весь вес, всю ярость, всё отчаяние последних дней. Кость хрустнула. Громко, отчётливо.

Койотль качнулся, но не упал — и ударил щитом, плоской стороной, как тараном. Соболев не успел уйти. Щит вмазал в грудь — в то самое место, куда целился Койотль секунду назад. Соболева отбросило на три метра. Он упал на спину, выбило дыхание, в глазах потемнело, лёгкие будто залили свинцом.

— Вставай! — крикнула Виола. — Сев, вставай!

Он встал. На четвереньки, потом на одно колено, выпрямился, шатаясь. В глазах ещё плыли чёрные пятна, но он заставил себя смотреть вперёд — на Койотля, на копьё, на смерть, которая ждала в трёх метрах. Во рту — кровь, солёная, тёплая. Выплюнул на землю.

Койотль улыбался. Кровь текла из разбитой челюсти, смешиваясь со слюной, капала на грудь, на щит. Он поднял копьё в обе руки — как битую, размахнулся, целя в голову.

Соболев пригнулся. Копьё прошло над головой — ветер сбил волосы, засвистел в ушах. Он ухватился за древко обеими руками и рванул на себя — резко, неожиданно, всей тяжестью тела.

Койотль не удержал равновесие. Они закружились, борясь за оружие, сцепившись, как два зверя. Древко трещало, скрипело, готовое вот-вот переломиться. Соболев ударил головой в лицо — лбом в переносицу.

Хруст. Кровь брызнула из носа Койотля — чёрная, густая, как масло, залила глаза, потекла по губам. Койотль зарычал, замотал головой, но не отпустил копьё.

Тогда Соболев сделал то, чему учил его Кукла. Он отпустил древко, шагнул ещё ближе — вплотную, грудью в грудь. И ударил коленом в пах, потом локтем по шее, потом ещё раз коленом — в бедро, в то же место, по той же мышце. Коротко, без замаха, как бьют только профессионалы.

Койотль зарычал, но не упал. Он ударил кулаком в плечо Соболева — глухо, тяжело, как кувалдой. Боль обожгла ключицу, отдала в шею, в затылок. Соболев не вскрикнул — только выдохнул сквозь зубы, чувствуя, как немеет рука. Но не отпустил дистанцию. Помнил: если отступить сейчас — Койотль добьёт.

Копьё наконец выпало из рук Койотля.

Соболев подхватил его, перехватил поудобнее — древко скользкое от крови, чужой и своей. Койотль стоял на шатающихся ногах, щит опущен, лицо залито красным, дыхание хриплое. Соболев сделал выпад — не в тело, в ногу. Обсидиан разрезал мышцу бедра, как горячий нож — масло. Койотль закричал — высоко, по-бабьи, как раненый зверь. Упал на одно колено. Кровь хлестала между пальцами, заливая землю.

Соболев поднял копьё для последнего удара. Остриё нацелено в горло. Койотль смотрел снизу вверх — с ненавистью, болью, непониманием. В его глазах не было страха. Было только одно: «Почему?»

И Соболев остановился.

Опустил копьё. Бросил на землю с таким звоном, что эхо покатилося по полю, отразилось от стен домов и замерло где-то в джунглях.

— Сдавайся.

Койотль молчал. Толпа молчала. Слышно было, как ветер шевелит верёвки ограждения.

— Сдавайся, — повторил Соболев. Голос не дрожал. — Я не хочу твоей смерти. Ты хороший воин. Но сегодня победил я.

Койотль опустил голову. Плечи обвисли, щит выпал из ослабевшей руки, грохнулся в грязь.

— Я сдаюсь, — прошептал он.

Койотль смотрел на копьё. Потом на Соболева. В его глазах не было благодарности. Было недоумение. Так смотрят на человека, который сделал нечто, выходящее за пределы понимания.

Тишина. А потом — рёв. Толпа загудела, сначала низко, как приближающаяся волна, потом всё громче, захлёбываясь, перекатываясь. Кто-то закричал: «Железный человек!» Кто-то: «Он не убил!» Кто-то заплакал. Дети, которые не понимали, что происходит, просто кричали вместе со всеми. Женщины падали на колени, старики крестились — по-своему, касаясь лба, губ и груди.

Соболев стоял на поле, босиком, в разодранной футболке, весь в грязи, поту и чужой крови. Дышал тяжело, прерывисто, но стоял прямо. И смотрел, как люди кричат его имя.

Текуичпо подошла первой. Прошла сквозь расступившуюся толпу, ступая босиком по грязи, пятная подол голубой накидки. Протянула руку, коснулась его лица — там, где ссадина на скуле.

— Ты победил. Теперь ты не чужак.

— Я им и не был.

Она улыбнулась. По-настоящему, впервые. Не той холодной усмешкой, которой встретила его во дворце, а тепло, открыто, как солнце.

— Моё имя — Яолли. «Та, кто смотрит в темноту».

— Красивое имя.

Она взяла его за руку. Повела к дворцу. Люди кланялись, касались его плеч, спины, рук — боязливо, благоговейно. Дети протягивали руки, но матери оттаскивали.

Соболев шёл, чувствуя, как кровь течёт по ноге, как саднит разбитая губа, как ноют рёбра. Нога подкашивалась, но он не останавливался. Он не смотрел под ноги — нельзя показывать слабость. Только шёл, чувствуя, как пальцы Яолли сжимают его руку. Только считал шаги. Один. Два. Три. Главное — не упасть. Главное — дойти.

Он сунул руку в карман, сжал бегемота — и пошёл дальше.

Кукла не увидел этот бой. Кукла не увидит ничего.

Он выиграл. Но цена была выше, чем он готов был платить

Конец пятой главы.

Глава шестая. Имя

Раздел 1. Дорога сквозь толпу

Они шли медленно. Толпа расступалась перед ними, как вода перед носом пироги — неохотно, с шёпотом и вздохами, с затяжными взглядами, которые липли к куртке, к окровавленной штанине, к лицу, разбитому в бою. Соболев чувствовал на себе сотни глаз — любопытных, испуганных, благоговейных. Чьи-то руки тянулись к нему, но замирали в сантиметре от плеча, от спины, от пальцев, сжимавших край куртки. Ему казалось, что он идёт сквозь лес, где каждый лист — глаз, а каждый шорох — молитва или проклятие.

Текуичпо — Яолли, он заставлял себя называть её новым именем, — шла рядом, не отпуская его руки. Её пальцы были тёплыми, сухими, с маленькими мозолями на ладони — от копья, от весла, от жизни, которую он не мог себе представить. Она не смотрела по сторо-

нам. Только вперёд, на вход во дворец, который уже открывался перед ними, выпуская слуг с подносами и факелами.

— Ты истекаешь кровью, — сказала она негромко, не глядя на него, но он почувствовал, как её пальцы чуть сжались. — Койотль задел бедро. Обсидиан режет чисто, но глубоко.

— Я заметил.

— Нужно зашить. Прямо сейчас.

— У меня есть свой врач. На корабле.

— До корабля ты не дойдёшь. — Она остановилась на секунду, повернула к нему голову. — Ты потерял много крови. Вижу по губам — они бледные. И по тому, как ты давишь на меня. Не спорь.

Соболев не спорил. Он и правда чувствовал слабость — нога стала ватной, каждый шаг отдавался тупой пульсацией в ране, и каждый следующий шаг требовал всё больше усилий. Он опирался на Яолли сильнее, чем хотел бы, но она не жаловалась. Её плечо было узким, но жёстким, как корень дерева, вросший в каменистую почву.

Во дворце было прохладно. Фонтаны журчали громче обычного — вода падала с высоты, разбиваясь о каменные чаши, и этот звук почему-то казался оглушительным. Может быть, ему просто чудилось от потери крови. В коридорах горели все факелы, слуги и жрецы жались к стенам, пропуская их. Соболев заметил, что многие кланяются ему — низко, до земли. Тем, кто кланялся Яолли, она не отвечала.

Они прошли мимо комнаты, где Соболев жил последние дни. Яолли повела его дальше, вглубь дворца, туда, куда его раньше не водили. Коридоры становились уже, факелы — реже, воздух — прохладнее и тяжелее, пропитанный запахом старых циновок и сухих цветов.

— Куда мы?

— Ко мне. Там чище.

Её личные покои оказались небольшими. Небольшая комната, разделённая циновкой на две половины: спальная и, судя по всему, оружейная. На стенах висели копья, щиты, атлатли, колчаны со стрелами. В углу стоял невысокий столик, на котором лежали развёрнутые листы аматля с рисунками — воины, битвы, звёзды. И ни одного украшения. Ни золота, ни нефрита, ни перьев. Только оружие и схемы.

Она усадила его на циновку, сама села напротив, сложив ноги по-турецки. Крикнула что-то на науатле — резко, повелительно, как отдаёт приказы военачальник. Из-за двери появилась старая женщина с седыми волосами, заплетёнными в две косы, и с кожаным мешочком в руках. Её лицо было изрезано морщинами, глубокими, как сухие русла рек, а глаза — чёрные, живые, цепкие.

— Это Тенек, — сказала Яолли. — Моя кормилица. Она умеет зашивать раны. Лучше, чем ваши химики.

— Посмотрим.

Старая женщина опустилась на колени рядом с Соболевым. Не спросив разрешения, разорвала штанину от колена до середины бедра — одним резким движением, так что ткань треснула по шву. Рана была длинной — пальца четыре, не меньше, — но неглубокой. Обсидиан скользнул по касательной, не задев мышцу. Кровь уже начала сворачиваться, образуя тёмную корку по краям, и рана выглядела как улыбка, нарисованная на коже кривым художником.

Тенек достала из мешочка иглу — не металлическую, из рыбьей кости, тонкую и острую, с неестественно белым отливом. И нить — сухую, скрученную, похожую на кишку. Она понюхала нить, потом лизнула её. Соболев не спросил зачем.

— Не дёргайся, — сказала Яолли. — Она сделает быстро.

Соболев закусил губу. Первый укол иглы был резким — кость вошла в кожу труднее, чем сталь, с тупым, почти хрустящим звуком. Но дальше пошло легче. Тенек шила сноровисто, без дрожи в руках, накладывая стежок за стежком, затягивая нить с равномерным, механическим

усилием. Её пальцы были жёсткими, с узловатыми суставами, и пахло от них травами и сухой кровью.

Соболев смотрел в потолок — кедровые брёвна, тёмные, с потёртостями, по которым можно было читать историю этого дома. Считал балки, чтобы не думать о боли.

— Ты была на поле? — спросил он, чтобы отвлечься.

— Да. На трибуне, рядом с отцом. Он сидел неподвижно, но я видела, как он сжал подлокотник, когда ты упал.

— Он что-нибудь сказал, когда я бросил копье?

— Ничего. — Яолли помолчала, потом добавила тише: — Но его пальцы перестали перебирать бусы. В первый раз за весь бой. Я думала, он перестал дышать.

— Он доволен?

— Он думает. — Она поджала губы. — Мой отец всегда думает. Это его способ не принимать решений.

Соболев усмехнулся — уголком рта, не разжимая зубов. Тенек тем временем заканчивала последний стежок, завязала узел, откусила нить.

— Ты поступил умно, — сказала Яолли, глядя на руки кормилицы. — Если бы ты убил Койотля, народ бы уважал тебя, но боялся. А теперь они уважают тебя и не боятся. Это лучше.

— Я не думал об умном. — Он поморщился, когда Тенек приложила к ране лист растения. Лист был широким, мясистым, с резким запахом, от которого защипало в носу. — Я просто не хотел его убивать.

— Почему?

— Потому что он не мой враг. Он делал свою работу. Я делал свою. И он не просил пощады.

Яолли посмотрела на него долго, в упор, как будто видела впервые. Тенек приложила к ране ещё один лист, потом туго замотала её полоской чистой ткани.

— Это остановит кровь и убьёт гниль, — сказала кормилица. Первые слова на испанском, с сильным акцентом, и Соболев понял, что она выучила их специально для него. — Не мочи три дня. Приду завтра.

Она собрала мешочек, поднялась и вышла, не поклонившись. Яолли не остановила её.

Раздел 2. Язык как оружие

Соболев лежал на циновке, слушая, как за окном кричат ночные птицы. Их голоса были резкими, чужими — они не походили ни на соловья, ни на ворон, ни на кого из тех, кого он знал. Птицы этого мира говорили на другом языке.

Наваждение боя прошло, оставив после себя тупую боль в ноге и пульсацию в висках — глухую, ровную, как шаги уходящего патруля. Яолли ушла к себе за циновку, но не спала — он слышал, как она ворочается, как шуршит циновка под её телом.

Он думал о языке. За три дня он выучил около полусотни слов на науатле — в основном команды и названия предметов. Этого хватало, чтобы объяснить с носильщиком или попросить воды. Но понимать речь жрецов, Монтесумы, даже быструю перепалку стражников — нет. Слова распадались на куски, как песок в руках. Виола продвинулась дальше: её лингвистическое чутьё помогало ей схватывать грамматические конструкции, и к концу третьего дня она уже могла составить простое предложение. «Ты идёшь?» — «Я иду». «Он ест».

«Мы как слепые щенки, — подумал Соболев, глядя в потолок, где в щелях между брёвнами шевелились тени. — Тыкаемся носом в чужой мир, не понимая, кто друг, кто враг».

Он решил: завтра же попросит Яолли дать им учителя. А пока — учиться самому. Он начал тихо повторять про себя слова: «челль» — небо, «атль» — вода, «мики» — умирать. Слова не хотели удерживаться в голове, выскользывали, как рыбы, оставляя после себя только смутное ощущение формы.

— Ты не спишь, — сказала Яолли из-за циновки. Голос её был сонным, но Соболев не поверил — она притворялась.

— Не спится.

— Твоя голова шумит. Я слышу, как ты бормочешь.

— Учю ваш язык.

— Зачем? — Она приподнялась, и край циновки приподнялся, открывая щель. Соболев увидел её профиль, тёмный, острый, с длинной линией носа.

— Чтобы понимать, что говорят жрецы. И чтобы ты не уставала переводить каждое моё слово.

Она помолчала. Потом сказала:

— Ты первый чужак, который захотел выучить науатль. Обычно они требуют, чтобы мы учили их язык. Они кричат громко и медленно, как будто мы глухие.

— Наверное, они дураки.

— Наверное. — Она тихо рассмеялась. Впервые — не усмехнулась, а именно рассмеялась, коротко и тепло. Соболев улыбнулся в темноту, сам не замечая этого.

— Научи меня говорить «спасибо», — попросил он.

— «Тласкматли».

— Тласкматли.

— Почти. «Тласкматли» — с ударением на первый слог.

— Тласкматли.

— Хорошо. — Она помолчала. — А теперь спи. Завтра скажешь мне это утром, и я поверю, что ты правда хочешь учиться.

Он закрыл глаза и, повторяя про себя новое слово, провалился в сон — без сновидений, чёрный, как вода в каналах.

Раздел 3. Весть

Проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Соболев открыл глаза — над ним стояла Яолли. Её лицо было встревоженным, а рука, лежавшая на его плече, — горячей, с вьёвшейся в пальцы копотью от факелов.

— Твои люди рвутся во дворец, — сказала она. — Тот, большой, с рыжей бородой, угрожает убить стражу, если не пустят. Он кричит, что ты должен быть жив, иначе он сожжёт этот дворец вместе со всеми.

— Миха. Пусти их.

— Я уже сказала. Они сейчас будут здесь.

Дверь распахнулась. Ворвалась Виола — растрёпанная, бледная, с красными глазами. За ней — Миха с автоматом наперевес, с лицом, перекошенным от ярости, и Химик с медицинской сумкой, полной бинтов и склянок. А в руках у Виолы — вязаный розовый бегемот. Тот самый. С дырой в животе. Она прижимала его к груди, как ребёнка. Соболев перевёл взгляд на игрушку — Кукла продолжал говорить с ним даже мёртвый.

— Сев! — Виола бросилась к нему, схватила за плечи, посмотрела с головы до ног. — Тебя порезали.

— Зашили уже. Всё в порядке.

— В порядке? — Голос сорвался на шёпот: — Ты надрал задницу их лучшему воину, а потом свалился без сознания, и мы о тебе ничего не знали шесть часов! Шесть часов, Сев! Я считала минуты.

— Я не свалился. Я заснул.

— Ты горел! — Миха подошёл, тронул его лоб тыльной стороной ладони. — Температура.

— Уже спала.

Химик молча сел рядом, отодвинул Виолу в сторону, взял Соболева за запястье. Два пальца на пульс, третий — на край циновки.

— Частота в норме, — сказал он. — Давление низковато. Потеря крови. Пара литров, не меньше. Восстанавливаться будешь неделю. — Он осмотрел швы, приподнял край бинта, понюхал. — Рыбья кость, сухожильная нить. Могучий антисептик — лист кактуса, кажется. Такие раны не гноятся.

— Ты что, разбираешься? — спросил Миха.

— В медицинских травах — да. А швы и сам умею накладывать, но эта старуха — мастерица.

Виола повернулась к Яолли. Заговорила на ломаном науатле — медленно, с ошибками, но внятно:

— Спасибо. Ты ему жизнь спасла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.